

Коллекция современной прозы

В. П. ВИННИК

Противоречивая степь

Коллекция современной прозы

Владимир Винник

Противоречивая степь

«ИП Березина Г.Н.»

2021

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Винник В. П.

Противоречивая степь / В. П. Винник — «ИП Березина Г.Н.»,
2021 — (Коллекция современной прозы)

ISBN 978-5-907395-48-0

В сборник вошли повесть «Противоречивая степь» и рассказы. Произведения написаны в разное время, начиная с 2000-х гг. Повесть «Противоречивая степь» рассказывает о становлении казахского народа в новых исторических реалиях (начало XX века). Рассказы знакомят с простыми людьми, у которых свое понятие о жизни, о долге и верности.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907395-48-0

© Винник В. П., 2021
© ИП Березина Г.Н., 2021

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	7
Противоречивая степь	8
Часть I	8
1	8
2	9
3	12
4	14
5	16
6	18
7	20
8	22
9	23
10	25
Часть II	28
1	28
2	29
3	31
4	32
5	34
6	36
Эпилог	38
Рассказы	41
Аспирант Кондрашов	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Павлович Винник

Противоречивая степь

© Владимир Винник, 2021

© Интернациональный Союз писателей, 2021

Об авторе

Винник Владимир Павлович родился 3 января 1952 года в селе Новосанжаровка Русско-Полянского района Омской области. После окончания средней школы с 1970 по 1972 год служил в армии в ГДР. Затем в течение пяти лет работал станочником на оборонных предприятиях города Омска.

Одновременно последовательно учился на вечернем и заочном отделениях в автотранспортном техникуме, сельскохозяйственном институте и Уфимском филиале Международной академии менеджмента (управления).

В течение последующих лет работал в системе газового хозяйства Омской области, пройдя путь от рядового инженера до директора предприятия.

Литературной прозой занимается с начала 1980 года.

Предисловие

Первая четверть двадцать первого века позволяет взглянуть заинтересованно на уже ушедшие в историю события века двадцатого и нескольких предшествующих ему десятилетий: что тревожило людей, как они жили, что было делом их дня насущного, какие перипетии их настоящего стали переломными моментами нашей истории?

Своеобразную хронику будничной жизни во всей ее простоте и разнообразии представляют рассказы и повести Владимира Павловича Винника, вошедшие в настоящий сборник серии «Коллекция современной прозы». Это не просто несколько сотен печатных листов – это многостраничная и в несколько сюжетов сага о жизни простых людей. Понятность, близость и родственность судеб героев рождаются из близости самого автора к простым людям, своей эпохе, истории страны.

Детские, отроческие и юношеские годы прошли в родных местах. Послевоенные годы, октябрята и пионеры, освоение целины, запуск спутника, радиофикация, пятилетки, совхозы и колхозы, поколение 70-х – это одновременно летопись первых страниц жизни автора и та историческая перспектива, которая станет фоном для его произведений.

После окончания средней школы с 1970 по 1972 год служил в армии в Германии. Затем в течение пяти лет работал станочником на оборонных предприятиях города Омска. Одновременно последовательно учился на вечернем и заочном отделениях в автотранспортном техникуме, сельскохозяйственном институте и Уфимском филиале Международной академии менеджмента (управления). В течение последующих лет работал в системе газового хозяйства Омской области, пройдя путь от рядового инженера до директора предприятия. Литературной прозой начал заниматься с 1980-х годов.

Такая «обычная», но насыщенная и богатая событиями из жизни страны биография автора стала хорошей школой для понимания характера и души простого человека. Вспоминается простой человек Шукшина, где и лихо есть, пока оно тихо, и страдание, и искание себя, своей цели, пусть не всегда осознанно, и сама жизнь со всеми ее прекрасными и некрасивыми гранями.

В произведениях автора вам предстанет панорама жизни глубинки, но не той, что дика, как медведь, или необузданна, как горная река, а той, что основа, нутро страны: столыпинская реформа и коренные народы Сибири, Великая Отечественная война и послевоенный быт людей, освоение целины и научные достижения, 70-е годы XX века – новое поколение, а затем и перестройка, 90-е и новейшая история. Все это, словно лоскутное одеяло, сложилось вместе и подарило автору яркую палитру для создания героев произведений.

Перелистнув очередную страницу сборника серии «Коллекция современной прозы», состоящего из произведений В. П. Винника, вы познакомитесь с простыми людьми и значимыми фигурами в истории, найдете для себя что-то новое в привычном осмыслении жизни нашей страны, и, конечно, каждый найдет понятного и близкого по духу героя, с которым будет жалко расставаться...

Н. Шаповалова, преподаватель Российского государственного социального университета

Противоречивая степь

*Н. Назарбаеву в знак признательности за дружбу двух народов
посвящаю*

Часть I

1

В Бурлинском ауле, затерявшемся в степи среди густых ракит, у небольшого особняка берез, на зеленой равнине левобережья Иртыша посреди стойбища стояла восьмикрылая белая юрта бая Жунуса Калижанова. Вокруг нее, словно украшенной бисером зеленой тюбетейки, были разбросаны белые юрты поменьше – родовой аульной знати. Бай Калижанов прославленный был поставлен волей судьбы баем над всеми баями кочевниками-скотоводами степей левобережья Прииртышья.

Жунус был очень богат. Он не знал счета табунам лошадей, стадам скота, отарам овец и верблюдам. В городах, волостных селах и на железнодорожной станции Исилькуль имел свои лавки с приказчиками и поставлял скот на ярмарки.

В начале лета, утром, когда еще солнце только вышло из-за горизонта, прискакал гонец от приказчиков из Омска с приятными для него новостями. К нему в гости после долгих лет учебы ехал сын Тулеген. Закончив учебу в Петербурге, произведен в офицеры, и теперь на его плечах мундир с золотыми погонами. В просторной, богатой своим убранством юрте в ожидании сына Жунус сидел на толстой белой кочме за дастарханом¹, покрытым зеленой шелковой тканью, упираясь спиной в полдюжины подушек, упрятанных в бледно-синего цвета наволочки. Его шелковый разноцветный халат-чекмень с широкими рукавами прикрывал ему жирную грудь, а полы обнажали бархатно-голубые довольно просторные шаровары.

Обут в красные сапоги с белыми и черными узорами. На его чисто выбритой голове сидела вышитая золотом темно-синяя тюбетейка. Глаза карие, сверкающие углями из узких, продолговатых, заплывших жиром щелок. Над верхней губой узкие черные усы, свисающие на обе стороны коромыслом.

Руки по локоть оголены, ладони белые, пальцы узкие, тонкие, которым мог бы позавидовать любой музыкант. Его род принадлежал к племени кипчаков-степняков-скотоводов. Никто уже не помнил, даже седобородые аксакалы, когда впервые появился в этих местах Бурлинский аул.

Жунус закончил поздний завтрак, за которым ему прислуживали жены, и теперь с наполненной пиалой в руке неторопливо отхлебывал душистый чай, заправленный каймаком – сливками.

При этом он задумчиво улыбался, вспоминая хорошие дела, и с каждой улыбкой его узкие усы, напоминающие коромысло, расходились в стороны, как будто нагружались полными ведрами.

«Хорошие новости! Слава Аллаху!»

Еще в юности у муллы он видел множество книг, и его прельщало то, что из-за своей учености мулла пользовался особым авторитетом среди феодальной знати. Кое-как и он осилил грамоту, но на том дело и кончилось. После получения наследства от отца его больше увлекла

¹ Дастархан – круглый стол на низких ножках (здесь и далее примечания автора).

жизнь богатого полновластного хозяина в своей степной вотчине. И все эти долгие годы он вынашивал мысль, что выучит одного из сыновей и что тот будет служить в огромной канцелярии генерал-губернатора, носить строгий сюртук с золотыми погонами и жить не в белой юрте степняка, а в белокаменном дворце. И тогда никто не посмеет назвать его сартамом. И вот заветная мечта его сбылась. Сегодня туманные грезы его мыслей наконец предстанут воочию его взору.

«Слава Аллаху, и в мою юрту пришла радость», – прослеживалась мысль за его тонкой улыбкой.

Часам к трем пополудни к юрте Жунуса стали собираться главы семей. Первыми вошли два сына Жунуса – старший Усман и средний Темиргали – и, поприветствовав отца уважительным поклоном, уселись по обе стороны от него. Приехали близкие родственники всем семейством из соседних аулов. Из аула Самурза – брат Якуб, из аула Каратал – брат Момын.

Входя в юрту, каждый из них прикладывал руки к груди и с поклоном приветствовал хозяина:

– Абсалам-магалеюкум! Да продлит Аллах ваши дни, уважаемый!

– Угалеюкум-ассалам! – отвечал хозяин.

По обе стороны от бая гости рассаживались, каждый зная свое место по знатности и старшинству. Затем вошли в юрту женщины. Та, что постарше, байбише Купей, старшая жена бая, – в зеленом атласном вышитом, узорчатом халате и высоком шарши² на голове, две помоложе и не в таком помпезном наряде – снохи, жены старших сыновей бая. Все трое приветливо поклонились гостям. Байбише из узорчатого торсыка³ наполнила кумысом большую медную миску. Затем из миски деревянной большой ложкой-половником стала наполнять фарфоровые пиалы.

– Отведайте, дорогие гости, с дороги, – сказала она, и снохи почтительно, с поклонами стали подавать гостям пиалы с кумысом.

В юрте за прохладительными напитками вели беседу. Присутствующие, когда-то упрекавшие Жунуса за то, что тот отдал сына в учебу русским, теперь, неторопливо отхлебывая из пиал кумыс, с услужливой льстивостью хвалили бая за доброго сына.

– Много лет учился у урусов, все науки постиг. Большим умом наградил Аллах человека, – слышалось по всей юрте из разговоров гостей.

– Большим начальником будет служить у белого царя. Свой человек теперь там будет у нашего старшины рода. Он-то уж в обиду не даст казахов.

2

Тулеген – сын Жунуса от последней, третьей жены. В детстве среди родни, особенно старших жен отца, его недолюбливали за то, что больше внимания отец уделял его матери, совсем юной, сосватанной в шестнадцать лет и пользовавшейся с самого замужества особым его покровительством. Недолюбливали за излишнюю его любознательность, за то, что больше всего времени проводил не среди аульских сверстников родовой знати, а у дырявых юрт и низкорослых мазанок и таскал оборванной ребятне разные сладости.

Любил он с ними просиживать на краю аула, у заросшей бурьяном мазанки старого охотника Токжибая и слушать его разные истории. Токжибай был еще тот рассказчик и, ублажая ребятню рассказами, сам еще раз проживал когда-то случившиеся с ним истории. Задумчивое темно-бронзовое лицо охотника всегда неподвижно смотрело на жаркие угли очага, языки пламени которого, отражаясь, играли в его темных глазах, как будто рассказывал сам себе,

² Шарши – женский головной убор.

³ Торсык – кожаный сосуд для кумыса.

не замечая ютившуюся около него ребятню, жадно вслушивающуюся в каждое пророненное им слово. Его голос иногда затихал и становился чуть слышным, затем опять обретал необычную звонкость. Под конец «истории», угадываемый своей тональностью, из прикрытых узких щелок глаз по смуглому лицу стекало несколько капель горьких, как его жизнь, слез, и под треск веток хвороста, подложенных им в очаг, ребятня неслась на зеленую лужайку играть в разные игры.

По всему аулу доносилась песня старика Токжибая, а музыка, выходявшая из-под тронутых им струн домбры, была однообразна и бесконечна, как эта бескрайняя степь.

Жизнь, полная трудовых забот, безвозвратно ушла, намотав годы и приведя человека к старости.

Однообразно год за годом протекало время, и байский мальчуган превратился в крепкого любознательного подростка. Пришло время учебы. Жунус неожиданно для родни решил отдать сына в русскую школу, чтобы тот обрел знание у урусов, постиг их науки и мог быть с ними на равных. Близкие родственники, да и просто злые языки аульчан, обвиняли его в корысти и пренебрежении дедовскими законами, что он нарушает обычаи казахских степей и оскверняет доброе имя правоверного мусульманина, что он пожалел денег для обучения сына в медресе и отдал в обучение за казенный счет неверным. Но Жунус был непреклонен в своем решении, которое должно было исполнить его давнюю мечту, и отдал сына в русскую школу.

Царское правительство, стремясь усилить свое влияние на казахских степных просторах, не так давно присоединенных к России, брало на учебу за казенный счет ребятню из местных подростков, которые, выучившись, должны были стать промежуточным звеном в административном управлении между чиновничьим аппаратом империи и местным населением. Своим, местным, всегда больше доверяя...

К юрте Жунуса подъехала повозка, управляемая одним из городских приказчиков Ергеном. Он помог женщинам уложить дорожную кладь на телегу. Холеный вороной жеребец фыркал и пританцовывал на месте, раскачивая свисающие с крупа кисцы дорогой упряжи. Когда мальчика посадили на повозку, бедная мать, убиваясь в слезах, провожая, обнимала и целовала сыночка и, причитая, просила Жунуса смилостивиться над ее горем, не разлучать с сыном.

Аульская ребятня, обступив повозку, смотрела на Тулегена завистливыми глазами. Как же, они дальше аула нигде не были, а тут у него дальняя дорога и впереди большой город. Смотря на сверстников, он был преисполнен чувством гордости, переборовшей тоску по этим родным краям, воспоминания о которых будут нещадно шемить ему душу в будущем. Жунус молча махнул рукой, и повозка тронулась в неведомую даль. Тулеген помахал всем прощально рукой – высыпавшим из юрт аульчанам и провожавшим его сверстникам. Ему не хотелось покидать друзей, родной аул. При отце он не посмел проявить чувство слабости, но теперь аул удалялся все дальше и дальше, пока совсем не исчез в его слезившихся глазах.

За долгие часы езды и переезда от одного аула или селения к другому Тулеген видел перед собой бескрайнюю привольную степь. Минуло тогда лето, и на зеленом покрывале степи стали появляться поблекшие травы и увядшие, сухие бутоны соцветий. Нередко на пути попадались колонии вырытых сурчин, или, всматриваясь в ковыльную даль, он замечал стадо дроф. Перебежит набитую тропинку стайка стрепетов, быстро хоронясь в зарослях бурьяна. Но Тулеген почти не смотрел на эти красоты, степь его не занимала, это потом будет мучить тоска по родным краям, а сейчас его сердце с радостью принимало ждущие впереди перемены...

Не раз и не два менялись времена года, когда степь то преображалась, неся с собой ростки новой жизни, то увядала, отдав всю себя на алтарь будущего. И все это время сын казахских степей учился у русских, сначала в Омске, затем в Петербурге.

Поначалу ему было очень трудно – тоска по родным местам и непривычный быт. И тут самому часто приходилось постоять за себя, потому что не обходилось и без насмешек школярят при произношении им впервые русских букв. Но, помня напутствие отца, он с завидным

упорством научился держать ручку и выводить русские буквы, как когда-то, впервые посаженный отцом на лошадь, научился цепко держаться за гриву. Привык и к шумному многолюдью городской суеты. Свыкся постепенно и с условиями непривычного для него быта и уже без робости носил непривычную форменную одежду и фуражку кадета. С годами постепенно исчезли и грубые привычки степняка, появились европейские манеры поведения в обществе, и он стал значительно преуспевать в учебе.

Годы учебы пришлось на насыщенное бурными событиями начало двадцатого столетия. Шел 1912 год, время учебы позади, и теперь, после отпуска и свидания с родными местами, ему предстояла государственная служба у туркестанского генерал-губернатора. Вместе с полученными знаниями, как и всем передовым молодым умам того времени, ему не давала покоя мысль о жизненно важных вопросах бытия человечества. Появились люди, какие-то революционеры, будирующие жизненно важные вопросы: от философских рассуждений до высказывания конкретных дел по изменению устройства устоявшегося правопорядка в жизни людской. Ему даже удалось с сокурсниками втайне побывать на нескольких их сходках.

Он ехал степью, и еще свежо в памяти стояло выпускное построение, на котором в окружении целой свиты высокопоставленных чинов появился сам военный министр Сухомлинов. Строгий взгляд его, брошенный по ровно вытянутым на плацу рядам новоиспеченных офицеров, говорил о его неограниченной власти. Но не это занимало сердце Тулегена, а верх брала радость от встречи с родными местами.

Минула теперь весна, степь благоухала во всей своей красе, и несущийся по степи тарантас слегка обдувало ветерком с запахом душистых цветов и горькой полыни. Сердце молодого двадцатидвухлетнего человека надсадно щемило в ожидании появления на горизонте родного аула. И хотя степь так волнительно напоминала ему давно ушедшее детство, но нет-нет да невольно напомнит о себе жизнь за последние долгие годы в большом городе. Думал, как уютно в этих норах-квартирах, как все обустроил себе человек, даже ночью они освещены ярким электрическим светом. Он думал, как это все не похоже на суровую борьбу за существование его народа. Узнав и вкусив плоды цивилизации, дело ума и рук человечества, Тулеген поражался нищенству здешних кочевников. На пути ему попадались казахи, и он был почему-то удивлен, что они не умеют говорить по-русски. Их лица при встрече были невыразительны, смуглые их черты отдавали какой-то окаменелостью – неестественностью.

«До чего же беден простой казахский степняк, – думалось ему. – Но почему? Кругом, куда ни кинь взгляд, открыто лежат богатства: богатый животный мир степи, озера кишат рыбой, плодородная земля дает жизнь богатой и красивой флоре. А они даже не думают об этих красотах и не пользуются этими богатствами. Наверно, и правда жизненное обустройство требует радикальных перемен».

На всем пути его не покидало смешанное чувство радости и грусти, то одно, то другое брало верх над его трепетным сердцем. И неизвестно, куда еще завели бы его мысли, если бы вдали не показалось с полдюжины всадников, беспорядочно ехавших легкой рысцой. Кучер Тулегена восхищенно что-то крикнул и надал лошадям, которые перешли на быструю рысь, и это отвлекло его от раздумий.

Ехавшие впереди всадники – нукеры⁴ – были посланы отцом навстречу сыну. Они всегда сопровождали Жунуса в поездках и выполняли разные деликатные поручения. Увидав впереди тарантас, пришпорили своих сытых коней и, перейдя на галоп, поскакали гостю навстречу.

Они быстро поравнялись с пролеткой, остановившись и разом облепив ее со всех сторон. Кучер остановил лошадей. Один из них – по-видимому, был старший, лет тридцати пяти – ловко осадил взмыленного скакуна у самого тарантаса. Он привстал на стременах, переложил в правую руку камчу, держа в ней уздечку, а левую поднес к груди и сделал поклон:

⁴ Нукеры – вооруженные всадники-джигиты.

– Абсалам-магалеюкум! Мы джигиты вашего отца, уважаемый батыр. Посланы встретить вас, ага.

Тулеген сбросил с себя накидку, сошел с дрожек и, дружелюбно протягивая руку вперед, шагнул седоку навстречу. Скакун, удерживаемый наездником, попятился назад, и тот, ловко перебросив ногу через гриву, быстро соскочил с коня. Спешившись, приложил руки к груди, часто кланяясь, стоял на одном месте, глядя на молодого казаха в мундире, и был повергнут в удивление: такие мундиры он видел только на уездных начальниках.

– Здравствуй-здравствуй, джигит. Хороший у тебя конь. – Видя непонимающий его взгляд, повторил по-казахски: – Угалеюкум-ассалам! Как тебя зовут?

– Аблай, ага. – И, слегка коснувшись рукой протянутой руки Тулегена, быстро, с нервной дрожью, резко ее отстранил, не переставая делать уважительные поклоны молодому хозяину.

Тулеген взглянул на собравшихся за тарантасом остальных джигитов, которые были по упитанности под стать своим сытым лошадям. Те сделали уважительный поклон.

– Ну что ж. Спасибо-рахман за гостеприимную встречу. Скачите к отцу, джигиты, а то вперед вас пролетит какая-нибудь сорока и вы останетесь без суюнши⁵, – смеясь, сказал Тулеген, помня еще обычаи степи и понимая, что душевный разговор вряд ли получится.

Аблай ловко вскочил на коня, резко натянув поводья, вздыбил его.

– Уа! Апырай! – воскликнул он и, указав камчой в сторону аула, помчался вперед, и все джигиты наперегонки поскакали за ним.

Скоро вдали показался аул с несколькими десятками юрт. Войлочные кибитки, похожие одна на другую, и почти возле каждой горел небольшой костер, у которого возились женщины, разодетые в цветные длинные платья. Около некоторых юрт на привязи стояли верховые кони. Глядя на аул, Тулеген подумал: «Время прошло как бы мимо этих мест, не тронутых цивилизацией. Так жили и несколько сотен лет назад, ничего не изменилось. Как жалостлив мой народ. Обычный, устоявшийся веками повседневный уклад жизни – разводили скот, кочевали, растили себе смену. Какой уж тут капитализм, о котором пишут в томах, галдят в газетах, и рабочего класса никакого тут нет. Впрочем, есть одно общее между этими двумя противоположными мирами – и там и здесь есть и, наверное, должны быть всегда бедняки».

Отвлечшись от мрачных мыслей, Тулеген взглянул на приближающийся аул.

«Видно, в ауле той, большой какой-то праздник, – подумал он, увидев много верблюдов и оседланных лошадей. – Наверное, со всей округи приехали гости».

Ему даже в голову не приходило, что все, что сейчас творится в ауле, делается в его честь.

3

Новость быстро облетела весь аул. По случаю приезда сына Жунус закатил на радость аульчанам роскошный той. Сколько тревоги и надежд пришло с приездом молодого хозяина в размеренную, спокойную жизнь аула. Спешно угоняли скот на пастбища. Женщины наводили порядок в своих юртах, доставали из сундуков всевозможные наряды, особенно там, где были девицы на выданье. В душе каждый был согласен породниться с таким ученым и богатым человеком. Из всех юрт стали вытаскивать подкопченные котлы, наполнять их ключевой водой и разводить очаги. Срочно резали баранов и молодых жеребят. В своей суете аул напоминал большой муравейник...

Снаружи послышался шум и возгласы аульчан. В юрту Жунуса почти вбежал всадник-нукер Аблай и с поклоном на одном дыхании выпалил:

– Молодой батыр приехал, ага. – И, кланяясь, так же поспешно вышел.

⁵ Суюнши – подарок человеку, первому сообщившему хорошую новость.

Затем в юрту донесся своеобразный скрип тарантаса и ржанье осажённых взмыленных лошадей. Все сидящие гости как по команде быстро поднялись и, глянув на хозяина, с поклоном стали выходить. Поднялся и Жунус с лёгкостью осеннего листка, поднятого с земли порывами ветра, несмотря на свою грузность. У юрты белобородые аксакалы и родовая знать расступились перед вышедшим хозяином рода, за спиной которого были непрерывно слышны возгласы:

- У урусов учился!
- Все науки постиг!
- Большой человек!
- Батыр!

Женщины толпились в стороне, у ближайших юрт, жадно всматриваясь в приезжего гостя. Тулеген сошел с пролетки, на которую ловко бросил снятую с плеч дорожную накидку, и сделал приветственный поклон, глянув в сторону женщин. Одна из них быстро выбежала ему навстречу и замерла на полпути, не переставая с умиленной трогательностью не отрываясь смотреть на него. Тулеген, почувствовав ее взгляд, повернулся в ее сторону. Она стояла на месте, не решаясь первой броситься к нему, – уж слишком смушал непривычный для казахов наряд.

– Мама!

С этими словами он бросился к ней навстречу, и та, заголосив, принялась целовать ему руки.

– Мама! Что вы, мама!

Он прижал ее к себе. Она вся дергалась от рыданий и, тихо всхлипывая, молила кого-то о помощи.

Тулеген посмотрел в сторону юрты, на стоявших у нее аксакалов и отца, чья тучная фигура выдвинулась вперед. Он выпустил из объятий мать, неподвижно стоявшую на месте. В ауле наступила такая тишина, что слышно было трели жаворонков с окрестных лугов да потрескивание сучьев в пылающих очагах с дымящимися котлами. Тулеген двинулся быстрым шагом к юрте, к отцу.

Жунус был умудрен, почитаем, знатен и всегда держался с достоинством человека, обладающего этими качествами. Но сейчас, при взгляде на сына, его сильно выдавали волнение и робость.

– Здравствуйте, отец!

Жунус молча протянул к нему руки, и они крепко обнялись. От волнения он забыл преподнести приготовленный подарок. И за него это сделал старший сын Усман, накинув на плечи брата халат-чекмень, вышитый золотыми узорами. Братья крепко обнялись. Темиргали водрузил на его голову вышитую золотом тубетейку, и все трое, стоя в объятиях, вызвали у присутствующих трогательное волнение.

– Здравствуйте, аксакалы. – Тулеген сделал небольшой поклон, приветствуя стоявших у юрты. – Абсалам-магалекум! – догадавшись, повторил он приветствие по-казахски, глядя на их смущение.

– Угалекум-ассалам! – несколько раз пронеслось разноголосье по стоявшим.

Жунус с сыновьями вошел в юрту, за ними – все остальные и расселись в том же порядке, каждый зная свое место. Тулеген был посажен на почетное место напротив отца с братьями и как-то стеснительно, неловко еле уселся на подушке, брошенной на ковер. В юрту со словами приветствия, улыбаясь гостям, вошли с утра прислуживающие женщины и, разливая кумыс, стали почтительно подавать гостям, каждая искоса с большим любопытством поглядывая на Тулегена. После чего женщины сразу же поспешно вышли.

Не зная, с чего начать, Жунус простер руки, обращаясь к сидящим:

– Клянусь Аллахом, правоверные, я с добрыми намерениями отлучил сына от родных мест. – Он сделал на этом особый акцент, упомянув Всевышнего, зная, что все присутствующие в прошлом осуждали его решение по поводу учебы сына у русских. – Мой дастархан всегда открыт для уважаемых гостей, но сегодня день особый, пришло наконец время вернуться к родному очагу моему младшему сыну. Спасибо, сынок, что не посрамил своего отца, помня мои напутствия, нашел в себе силы и выдержку получить знания, которые так пригодятся тебе в жизни. – Глядя на сына, сделал поклон. – Я спокоен, есть кому передать все это в надежные руки. – Он повел перед собой рукой. – Степи нашими были и нашими останутся. Слава Аллаху за доброго сына. – Он обратил взор к небу. – Я рад, что дожил до этого дня, правоверные.

Затем он замолчал. В ответ на слова отца Тулеген хотел приподняться, но без привычки сделал это так неловко, что все ограничилось вежливым поклоном.

– Спасибо, отец. Я всегда ощущал вашу поддержку за все эти долгие годы учебы. Спасибо за то, что дали мне возможность получить образование. Мир познаний безмерен, как голубое небо над нами, и я рад, что при вашей заботе мне удалось хоть частично постичь его таинства. – Он уважительно сделал поклон.

– Бисмиллях... – Жунус произнес первые строки молитвы и, проведя ладонями по лицу, взялся за пиалу.

– Бисмиллях, – повторили разноголосьем все присутствующие, кроме Тулегена, который, глядя на отца, еще раз сделал поклон.

За юртой дымилась, распространяя доносившийся вовнутрь аромат, большие котлы. Гости неторопливо повели беседу и не успели опорожнить пиалы, как опять вошли женщины и стали выставлять на скатерть всевозможные яства.

На широких подносах подали вареную баранину и молодую жеребятину, конскую колбасу – казы, большой начиненный мясом пирог – бэлиш и разные сладости. Затем на отдельных больших подносах подали жирный и сочный бешбармак⁶ и большие пиалы, наполненные сурпой-акелем.

Пиршество достигло своей кульминации, и все присутствующие, уже не выказывая особых знаков внимания гостю, непринужденно и неторопливо вели разговоры, поглощая все, чем была заставлена скатерть.

4

Еще задолго до приезда младшего сына Жунус думал, как ублажить его.

«Наверное, в первую очередь надо выбрать хорошего скакуна. Степняк, когда садится на коня, обретает свободу. Потому что перед ним как на ладони вся степь, открыты все пути», – рассуждал про себя Жунус. Он стал обдумывать, кому из сыновей поручить это щекотливое дело – Усману или Темиргали. Выбор пал на старшего – Усмана.

«В нем что-то есть от меня. Та же щедрость, заботливость к окружающим, лишен всякой зависти – этот не подведет», – подумал тогда он.

Усман сразу же был оповещен об этих намерениях отца и с радостью их принял. Усман тридцатилетний, среднего роста, такой же пухлый и широкогрудый, как и его отец, с ниточкой холеных черных усов. Также унаследовал от отца рассудительность, доброжелательность и сердечность – редкие среди баев качества, особенно с людьми, зависящими от них.

Человек, обладающий таким богатством, как у Жунуса, получив его в наследство, сразу же сменил бы свое отношение к окружающим его людям. Но Жунус, с богатством обретая величие, ни разу не дал повода заподозрить его в использовании им диктаторской власти.

⁶ Бешбармак – национальное казахское блюдо из мяса.

По гостям, которые уже вдоволь напились и наелись, было видно, что застолье идет к концу. Жунус что-то шепнул старшему сыну, и тот, не привлекая к себе внимания, тихо, незаметно вышел из юрты. По той легкости, с какой молча, не дослушав отца, поднялся Усман, Жунус подумал: «Этот заранее побеспокоился выполнить мою деликатную просьбу», – и с довольной улыбкой протянул руку к подносу с бешбармаком, пятерней взял кусочек мяса и раскатанного теста, отправил себе в рот. Для хорошего коня нужно было позаботиться и о красивой упряжи. Брат Жунуса, Момын, направляясь в Бурлинский аул из своего урочища Каратала, заехал по пути в село Новые Санжары и забрал приготовленную другом-кунаком мастером-шорником Николаем Рыбалко дорогую красивую упряжь.

За юртой послышалось игривое ржание коня. Для насытившихся гостей это как бы послужило знаком, и все одновременно со словами благодарности хозяину, проведя ладонями по лицу, хваля Всевышнего, повскакивали со своих мест и стали выходить из юрты. Рядом с юртой, пританцовывая на месте, удерживаемый Усманом за уздечку, стоял молодой жеребец. Аксакалы зацокали языками, глядя на этого красавца. Степняки понимали толк в лошадях. Высокий, пегой масти, вдоль хребта серый ремень, грива и хвост коротко подстрижены. Выгнув шею дугой, конь, насторожив острые уши, водил удивленными блестящими зрачками, глядя на высыпавших из юрты людей.

– В наших табунах среди ахалкетицев нет такого коня, – говорили аксакалы, не переставая удивляться доброму коню.

Разговор поддержал Темиргали:

– Это Усман пригнал из оренбургских степей, конь орловских кровей.

Все нашли жеребца красавцем, несмотря на необычную для этих мест масть, и, продолжая восхищаться им, одобрительно покачивали головами:

– Такой, не зная камчи, побежит быстрее ветра, не конь, а настоящий Тулпар.

Подхватив из рук Усмана узду, Жунус подошел к коню, потрепал его по шее. Все стоящие посмотрели на Тулегена, и тот под знаки одобрения подошел к коню, поставил ногу в стремя, вскочил на него. Почувствовав на себе седока, конь заметался из стороны в сторону, но натянутая узда принудила его к покорности, и он успокоился. Тулеген ослабил поводья, и жеребец своими пружинистыми ногами пошел легкой рысью. Сделав круг под одобрительные возгласы аульчан, подъехал к стоящим. Усман сделал знак рукой кому-то, и один из пастухов, подбежав к Тулегену, кладя руки на грудь, сделав поклон, принял от него коня. Гости, постояв немного и еще раз поблагодарив хозяина, стали неторопливо расходиться по аулу для отдыха, на ходу обсуждая новости. Жунус с сыновьями вернулся в юрту. Стояло то вечернее время, когда солнце угасло, но не зашло за горизонт, и в ярком свете объявилась полная луна.

Внутри женщинами было уже прибрано и была зажжена большая керосиновая лампа с абажуром, подвешенная к своду юрты. Сели за чистую скатерть. Следом вошедшие женщины подали чай на подносе, а затем торопливо вышли. . .

– Как долго ты думаешь пробыть здесь? – понимая, что вскоре сына ждет служба, и не зная, с чего начать разговор, обратился Жунус к Тулегену.

– Не знаю, отец. Я теперь человек военный. По истечении краткосрочного отпуска предписано явиться в Туркестанский округ для назначения.

Тулеген вдруг неожиданно соскочил с места, прошелся тихо по юрте, а затем опять присел к сидящим и продолжил, разрядив затянувшееся молчание:

– Соскучился по родным, по степи. – Он застенчиво опустил голову. – Побуду немного, с вашего позволения. – И улыбнулся, глядя на братьев: – А потом кое-какие еще дела в Омске, положение, знаете ли, обязывает, друзья и прочее. Так что долго у вас не задержусь.

На слово у «вас» Жунус сделал удивленный вид, как будто сын не дома, а в гостях.

– Здесь все наше... твое, сынок. Тебе решать, как со всем этим поступать. – Жунус все подбирает слова, чтобы приблизить к себе сына, вернее, к реальности, видя, что он совершенно не заинтересован в его делах.

– Спасибо, отец! Я думаю, «всем этим», как вы выразились, займутся мои старшие братья.

Усман и Темиргали, глянув на младшего, одновременно приложив руки к груди, сделали поклон и удивленно перевели взгляд на отца.

– Ну а меня, я думаю, ждут впереди большие и, надеюсь, интересные дела. А если что, я непременно обращусь к вам за помощью, за «своим».

И в его улыбке, пробежавшей по лицу, не было ничего язвительного. Братья ответили ему опять одобрительным поклоном.

– У нас скота много, как звезд на небе, всем хватит. – Темиргали самодовольно ухмыльнулся, отхлебнув из пиалы душистый чай.

На его хвастливость никто не отреагировал, хотя в его словах прозвучала искренность.

– Каждый взрослый человек должен иметь наперво кров с очагом, чтобы в нем вершились дела, угодные Аллаху, чтобы росли дети, – задумчиво произнес Жунус. – Все, дети мои, оборачивается на круги своя.

– Вы правы, отец, сия чаша неминуема для каждого из нас. Мы пойдем. Отдыхайте, отец. Пусть вам на радость добрый сон приснится! – видя уставшее лицо старика, ответил за всех Усман.

Жунус кивнул, выразив этим свое согласие. По старшинству подходя к отцу, каждый из сыновей двумя руками брал его ладонь, и с поклоном, пожелав хорошего отдыха, вышли из юрты.

5

Выйдя от отца, братья подошли к недалеко стоящей юрте, поставленной накануне для Тулегена, о чем свидетельствовала свежая насыпь земли у ее основания. От находящегося рядом очага подбежал молодой джигит-нукер и поклоном поприветствовал хозяев. Усман объяснил брату, что тот приставлен к нему для исполнения разных просьб и поручений и заодно будет присматривать за его жилищем. Тулеген молча кивнул.

– Ну, отдыхай с дороги, – пожал ему руку Усман.

– Завтра будет еще больше людей. Будут скачки и байге, – с рукопожатием равнодушно произнес Темиргали.

Двадцатишестилетний Темиргали чуть выше среднего роста, худощав, безусый и всегда чем-то недоволен. С пастухами и работниками развязан и нагловат – полная противоположность Усману. Не упустит случая унизить человека лишь только за то, что тот беднее его...

Братья разошлись, и Тулеген вошел в свою юрту. У входа стояли привезенные вещи.

«Ну вот ты и дома, брат Тулеген. Не будет тебе здесь ни стульев, ни простых казарменных табуреток», – говорил он себе, оглядывая убранство жилища.

От топчана с постелью и полудюжины цветных подушек пахло свежим бельем. Справа стоял небольшой столик с посудой для чаепития.

«Привыкай, братец, к здешним условиям. – Он взялся распаковывать вещи. – Живет здесь Азия по своим давно заведенным порядкам. Порядкам! – Тулеген усмехнулся. – Разве это не твои родные места? Не твоя вотчина? – спрашивал сам себя. – Как ты, брат, быстро отвык от своих обычаев», – уже лежа навзничь на топчане, размышлял он.

Незаметно надвигались сумерки, стало прохладно, и везде у очагов все еще были слышны возгласы, смех, пение – аульчане погружены в праздность и досыта едят и пьют, пользуясь байской щедростью.

Тулеген встал, согнав с себя дремоту, вышел из юрты и пошел к мазанке охотника Токжибая. Ему было как-то не по себе, глядя на сегодняшнее бесшабашное веселье. Он всматривался в до боли знакомые места, по которым бегал подростком, узнавал укромные уголки. Почти ничего не изменилось за эти годы. Правда, в ауле стало больше серых юрт, у входа которых прикреплен кусок светлой кошмы, выражавший признак внешнего достатка и желание их хозяев выделиться среди других.

Послышался девичий смех. Девушки в сверкающих от украшений нарядах стайкой, как молодые газели, толпились возле одной из юрт, и каждая поглядывала на Тулегена с тем умилением, какое только может выразить девица, готовая принести в жертву свою невинность. Проходя стороной, поприветствовал их поклоном головы. Он по возможности сторонился людей, которые с некоторым любопытством поглядывали на сумрачного молодого хозяина, так и не увидевши его ни разу у какого-нибудь очага за праздничным дастарханом. Идя к старику на самый край аула, Тулеген не мог знать, что минула уже третья весна, как не стало Токжибая-охотника. Стоявшая на краю его мазанка досталась сироте-пастуху Мукашу. Тридцатилетний Мукаш рослый, широкоплечий, безбородый, наделенный от природы немалой силой, как будто данной ему в награду за тяжелое детство. Рос на подачках аульчан и унаследовал от своего покровителя Токжибая не только его хибару, но также премудрости охотничьего ремесла и старое ружье, которое в свое время Токжибая было подарено еще отцом Жунуса.

Пока молодые и старые пастухи пировали в ауле, Мукаш оставался с отарами овец на пастбищах и присматривал за скотом. Но с наступлением сумерек его сменили молодые, а он вернулся в аул. Рядом с его мазанкой горел очаг, который по кругу облепила ребятня. Подойдя к ним, он опустился на кусок затертой кошмы. К очагу подошел старый пастух с деревянным подносом и пиалой. На подносе дымилась баранина, а пиала была наполнена до краев прохладным айраном⁷. Он поставил все перед Мукашем, тот, поблагодарив старика, принялся наворачивать упущенное – жадно обсасывал косточки молодой баранины.

Ребята, ютившиеся у очага, сочувственно поглядывали на Мукаша, которому не довелось вместе со всеми посидеть за праздничным дастарханом, и ждали, пока он утолит свой завидный аппетит, а затем расскажет какую-нибудь приключившуюся на охоте историю. Искусно обглодав ребрышки, Мукаш потянулся за большой мясной костью и, пристально осмотрев ее, положил перед собой. Облизав пальцы, вытер руки о зашарпанный халат, взял пиалу и запил все поглощенное айраном. Глянул на сидевшую ребятню, прислушивающуюся к наставлениям старого пастуха. Мукаш легко встал на калачиком сложенных ногах, выпрямился, сразу обратив на себя внимание всех сидящих.

Наступила тишина. Мукаш отступил на несколько шагов назад, сдвинул свой малахай на затылок, завел руками полы потрепанного халата назад и, подбирая тональность, подражая охотнику Токжибая, которого тоже часто слушал с самого детства, начал повествовать одну из его приключившихся историй.

Он то громко восклицал, то затихал и шептал чуть слышно, топтался на месте, притопывая своими изрядно поношенными сапогами, закатывал рукава халата, шурил и без того узкие прорези глаз.

Затем, встав вполборота, левой рукой стал еще глубже, до плеча, закатывать рукав правой, вытянув ее вперед. Резко рванул шаг вперед, поднял вытянутую руку вверх и, вскрикнув: «Апырай!» – еще раз опустил ее вниз, сделав ею жест в сторону противоположного плеча.

Ребятня, кто открыв рот, кто выпучив глаза, одновременно выдохнула, произнеся: «Ох-х!» Старый пастух встал, плюнул в сторону и со словами «Шайтан-черт» отошел от очага.

Мукаш, довольный собой, как ловко он произвел на всех впечатление, опустился на кошму и, не поднимая глаз на сидящих, принялся обглаживать отложенную кость.

⁷ Айран – кислое молоко.

Суть байки Мукаша сводилась к следующему.

Как-то вечером услышал он, как в загоне затревожились овцы. К ним заскочил буреволк. Мукаш бросился к нему. За ружьем некогда было бежать, да и не заряжено оно было, и ножа при себе не было. Он кричал, но волк не стал убегать, а, ошетилившись, повернул в его сторону. Мукаш засучил рукава и стал следить за его действиями, чтобы упредить прыжок. Волк бросился на него, но Мукаш прямо в раскрытую его пасть сунул руку и через задний проход схватил за хвост. Поднял руку, на которой висел волк, вверх, а затем резко потрянул. Шкура осталась в руке, а волк «отдал концы». Он шкуру на плечо – и пошел отдыхать.

Вернувшись, старый пастух, подходя с охачкой хвороста к очагу, заметил идущего к ним Тулегена. Подложив хворост в костер, что-то быстро сказал ребятам, и те сорвались с места, помчались на лужайку. Старик и Мукаш почтительно сложили руки на груди, встречая подходящего гостя.

– Абсалам-магалеюкум! – поприветствовал он стоящих.

– Угалеюкум-ассалам, – ответил за обоих старик. – Пожалуйста, агай, к нашему очагу!

– Спасибо, отец. А что, старик Токжибай в своей хижине? – глянув в сторону мазанки, улыбчиво спросил Тулеген, подсаживаясь к костру.

– Вай-вай! – запричитал старый пастух.

Он провел по лицу ладонями, как бы совершая омовение, глухо произнес слова молитвы, затем с недоумением посмотрел на Тулегена.

– Молодой батыр не знает? Три раза уже со степи сходил белый снег, как нету с нами уважаемого аксакала, – склонив голову, ответил старик.

Наступило молчание. Тулеген, подавленный услышанной новостью, медленно молча поднялся и отошел в сторону.

Затем быстро воротился и со словами «Простите, отец» опять подсел к очагу.

– На все воля Аллаха, мир его праху, хороший был человек, – прервал затянувшееся молчание старик. – Его жилище дает кров теперь другому джигиту, агай. – Он положил руку на плечо Мукаша. Тулеген молча посмотрел на рослого парня, ответившего поклоном на его взгляд. – Тоже охотник. Меток и ловок, как и его наставник, – хвалил Мукаша старик.

– Бывал на охоте с Токжибаем? Хорошо знаешь степь? – спросил Тулеген.

– Да-а, агай! – протяжно произнес Мукаш. – Как не быть, не знать? Через всю степь с уважаемым изъездили за байбак, лиса, волк – все брал.

– Завтра поедешь со мной?

– Хорошо, агай!

– Молодой батыр на охоту собирается? – спросил старик.

– Да! Не совсем! Посмотрю степь. Дичи много?

– Много-много, – ответил Мукаш.

– Хорошо. Я, пожалуй, пойду, а ты завтра будь готов. Как солнце повиснет над кибитками, будем выезжать.

Тулеген поспешно вернулся к себе и, погруженный в раздумья, долго еще лежал, не смыкая глаз, а за юртой уже стояла густая азиатская ночь.

6

На второй день, как только стало благословиться на свет, замаячил рассвет, аульчане подложили хворост в еще не затухшие совсем очаги, и котлы опять запарили наложенным парным мясом. Пастухи, особенно молодые, с нетерпением ждавшие утра, наконец добрались до аула, наделав много шума на своих резвых лошадях.

Немного погодя за ними не спеша въехали старые пастухи, их лица выражали безразличие и зависть, каждый жалел, что уже не сможет принять участие в таком захватывающем

мероприятии, как скачки. Они сочувственно поглядывали на выбранное за юртами место скачек, где недавно, словно скошено, все было выпасено овцами.

Пиршество было роскошным. Гости и все аульчане второй день досыта пили-ели, веселились. Время второй час пополудни, и от застолий все тронулись на лужайку. Смотреть состязание собрался почти весь аул с гостями. Все расположились небольшими кучками, каждый со своими, прямо на земле. Для Жунуса и знатных гостей принесли кошмы. И вот выехали конники-джигиты, и Жунус, как почетный судья данного мероприятия, дал отмашку рукой. Кони с наездниками сорвались в быстрый галоп под одобрительный свист и возгласы присутствующих. Все погружены в веселье. А у Жунуса душа неспокойна. Он огляделся вокруг, и среди близких ему людей не было Тулегена.

После позднего завтрака он в сопровождении Мукаша покинул аул. Степь раскинулась перед ними во всей своей красе. Солнце стояло уже высоко и своими теплыми лучами залило всю степь. От нежного летнего ветерка нагибало шелковистые метелки ковыля, покачивало стебли трав и цветов, и такое волнение убегало в бескрайние дали. Где-то там, вдали, у горизонта, небо заволочли облака.

При взгляде на эти просторы Тулегену невольно из глубины души приходила на память песня старика Токжибая про степь и него самого, чувствовавшего себя песчинкой на этих бескрайних просторах.

Он, бросив поводья, соскочил с коня и устремился бежать вперед от ноющего сердца. Вдохнув в себя этот пьянящий степной воздух, опустил на колени, и слабый ветерок, прошедший по его лицу, сорвал выступившие капли слез. Лег наземь...

То там, то здесь между стеблями трав снуют разные насекомые, бабочки и жучки, стрекочут без умолку кузнечики. До чего же ты хороша, степь! Все мы, от маленькой букашки до нас самих, твои дети, мать-природа, которых ты поишь и кормишь, но не каждому открываешь свои тайны. Тулеген перевернулся навзничь. Перед ним раскинулось безоблачное синее небо. Степной орел, распластав крылья, медленно кружил над тихой степью и зорко просматривал каждый кустик травы, чтобы добыть себе пищу. Тишина вечности опутывала со всех сторон, порождая одиночество.

Крик диких гусей,двигающихся к озеру Конур, отдавался где-то там, в стороне. Склонив голову, Тулеген следил за улетающим орлом и увидел идущего с лошадьми Мукаша. Поднялся и, идя ему навстречу, внимательно рассматривал все вокруг.

– Говорил, много дичи. – Влезая на коня, Тулеген кинул взгляд на Мукаша. – Ничего пока я не вижу.

– Какой «нет»? Смотри, сколько птица и лиса. – Склонившись к земле, Мукаш указал на чуть заметные на плешах земли следы. – А вот прошли длинноногие косули.

Лошади дружно шли шагом. Вдруг Мукаш резко соскочил, придержал коня и поднял руку:

– Немного отдыхай.

Тулеген увидел, как Мукаш рассматривает чьи-то большие следы. Мукаш повернул голову к Тулегену:

– Буре-волк. У-у, шайтан, не ходи, отара.

Он стал ругаться и что-то причитать, вглядываясь в следы.

– Каждый живой свой след имеет, – уже в пути давал Мукаш азы охотничьего мастерства своему попутчику. – Без след нет ни человек, нимышь, ни лиса. Охотник глаза имеет, охотник след читает и все видит.

Глядя на Мукаша, Тулеген подумал: «А еще говорят, азиаты темный народ: разводят скот и тем кормятся, и ничего больше их не интересует. Никакие они не темные, отсталые, да, – глядя на Мукаша, думал про себя Тулеген. – Учить их надо».

И правда, как будто в подтверждение сказанного Мукашем, начинают перед ними вырисовываться бугорки и холмики. Это сурчины, а их обитатели кормятся недалеко в траве. Гарбаганы-сурки, заметив наездников, подняли крик и свист. Наконец вся колония обращается в бегство, они торопятся скрыться в норах. Тулеген с волнением ловит взглядом пронсящих зверьков.

Среди сородичей этих зверьков всегда найдется смельчак, который, став столбиком на задние лапы, будет озирать все вокруг блестящими глазами, наполненными глубочайшим любопытством.

А вон вдали, вытянув над ковылем длинные шеи, показались с детства знакомые величавые птицы дрофы. Они пасутся на просторах, покрытых низким ковылем-тырсой. Все их движения степенны и легки. Дрофы провожают путников взглядом больших настороженных глаз.

Вдали гуляющее по горизонту марево вдруг разошлось, и явственно заблестела водная гладь. Это озеро Конур. Ближе к озеру местами пошли небольшие шоры-солонцы, от которых несло сырым духом, а дрожащие по воздуху белые перья ковыля стали уступать место пепельным зарослям полыни.

На небольшом травянистом бугорке среди зарослей полыни стояла пара журавлей-красавок. На приозерных болотцах ярким контрастом своего белого пера выделяются утки-пеганки. За мелким камышом с большого, покрытого мелкой рябью чистоводья взлетела лебединая стая. Не успели наши путники спешиться, как над их головами пролетела стая серых гусей, да так низко, что у каждого в руках появился зуд ухватить их за крыло. Казахи не едят пернатых и не охотятся на них, поэтому гуси привыкли к всадникам и подпускают довольно близко.

Озеро широко раскинулось на беспредельном пространстве равнины. Над озером вьются крачки, а никем не пуганные утки плавают большими стаями. Здесь никогда не ступала нога охотника, никогда под нею не гнулась озерная осока.

«Как приятно после стольких лет затворничества в городской суете повстречаться с угодами родной земли, – глядя в озерную даль, думал про себя Тулеген. – Видеть эти степные травы, птиц, зверей, и в этот упоительный час, когда ясно чувствуется всем сердцем родной край». Он украдкой отирал радостно накатывающиеся слезы.

Взволнованно и трепетно принимая все виденное вокруг, Тулеген с неподдельной грустью думал: «И всем им нет до меня дела. Для этого мира я не просто лицо незнакомца, а... ничто».

И такие мысли пробудили в нем чувство обиды оттого, что для степи он чужой.

7

Утром на третий день пребывания в родном ауле он проснулся, едва взошло солнце, и, закрыв глаза, полежал немного, вспоминая прошедший день. Затем встал и вышел из юрты.

Слабые порывы ветра доносили из степи запах полыни, а от земли трава распространяла прохладу.

«Жаль, что кроме меня, так давно не бывавшего в родных местах, в ауле никто не может с новой силой почувствовать этот запах родного простора», – подумал про себя Тулеген.

Аул опять погрузился в размеренную, спокойную жизнь, только множество собак шумно грызлись между собой, обглаживая кости, разбросанные почти у каждой юрты после двухдневного гулянья. Невеселые мысли Тулегена были прерваны подбежавшим к нему джигитом отца:

– Ата просит вас к себе на чай, агай!

Вместо ответа Тулеген кивнул, глядя на него, сделавшего уважительный поклон, кладя руки на грудь.

В юрте отца уже сидели с ним старшие сыновья Усман и Темиргали. Войдя к ним, Тулеген поприветствовал родственников.

– Вы простите меня, отец, что я вчера не присутствовал на скачках, – не удержался, потянуло в степь.

Жунус молча жестом руки пригласил сесть его за дастархан, принимая этим самым извинения.

– Вот ты ученый, брат, – начал разговор за чаем Темиргали, – скажи, почему урусы называют нас киргизами, ведь мы казахи...

– И в бумагах, что подписаны нашими дедами о воссоединении с белым царем, тоже мы именуемся киргизами. Как такое могло быть? – высказался на поставленный вопрос Усман.

Тулеген понимающе кивнул головой.

– Видите ли, – начал он, – степь большая, очень большая, в ней есть не только равнинные бескрайние пастбища, как у нас, а также попадаются пески и даже горы. И много разных племен, а в них, соответственно, родов, проживает на этой территории, и в основном все кочевники, но некоторые живут оседло. У подножия гор, называемых Тянь-Шань, живут кочевники и именуют себя киргизами. А в тех местах, где больше всего песков, их называют пустыней Кара-Кумы, живут племена, называющие себя туркменами. По долинам реки Фергана живут люди, занимающиеся земледелием, выращивают белоснежный хлопок, как русские хлеб-пшеницу. Они называют себя узбеками. Ну а на самой необъятной равнине левобережного Прииртышья, от Семипалатинска до Павлодара, от Павлодара до Омска, от Омска до Петропавловска, от Петропавловска до Кокчетавы, от Кокчетавы до Акмолы и от Акмолы до Семипалатинска, кочуют разные племена скотоводов-казахов, и наш род в том числе.

От перечисленного Тулегеном старшие братья весело заулыбались, каждый понимая, что больше всего территории принадлежит их племени казахов.

– Почему русские называют всех киргизами? – подумав, продолжил Тулеген. – Все эти народы объединяет одна вера – все мусульмане. У всех, правда, свои обычаи и обряды. И говорят по-разному, но понять их можно. Все эти племена, о которых я упомянул, слишком разобщены, и каждое пытается взять верх над другими. Из-за частых стычек и междоусобиц отдельные племена стали просить у России защиту. Добровольно изъявляли желание войти в ее состав, дабы получить покровительство и защиту от посягательств других племен. Слишком сложно управлять «госпожой Азией» при такой разобщенности. А поскольку все народы объединяет одна вера, то российские чиновники не стали себя утруждать при принятии законодательных актов по управлению этими территориями, и все стали значиться киргизами. Что касается казахов, то было принято «Временное положение об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторства», которое было утверждено в 1868 году. Местная родовая и феодальная знать казахов, баи, хотели, чтобы казахи были обособлены и выделены в отдельное делопроизводство. Подали прошение царю, но Сенат отклонил их просьбу, хотя было пересмотрено «Временное положение» и принято «Степное положение», которое действует и сейчас с некоторыми изменениями и повторяет ранее сложившуюся систему административных органов управления. Были сохранены все выборные органы казахов в аулах и волостях. Вот так обстоят дела наши, – закончил Тулеген.

Старый Жунус то и дело возвращался к сказанному сыном и находил его правым в своих рассуждениях.

– Пока, наверно, не заслуживаем внимания и снисхождения, чтобы явить себя миру отдельно от России, – произнес вслух Жунус.

– Вы, конечно, правы, отец, потому что старше нас, – ответил Усман.

Темиргали толкнул старшего брата локтем, сказал:

– Нам пора.

– Мы пойдем, отец. Надо посмотреть, все ли собрали для дальнейшей дороги. Завтра отправляем часть людей с табунами лошадей и отарами овец на летние пастбища в Кулунду, – продолжил Усман.

– Да, конечно, ступайте, распорядитесь, – властным тоном произнес Жунус, сам давно отошедший от хлопотных дел.

Сделав уважительный поклон, Усман и Темиргали вышли из юрты.

8

Жунус с сыном остались одни.

– Какой у тебя утомленный вид. – В голосе Жунуса, прервавшем затянувшееся молчание, прозвучала тревога.

– Что поделаешь, отец.

– Тебя что-то беспокоит? Скажи отцу.

Тулеген молчал.

– Тебе надо хорошо отдохнуть перед дальней дорогой.

– Что меня беспокоит! Меня беспокоит судьба нашего народа. За сотни лет ничего не изменилось, время как будто остановилось в степи. Вся культура народа сводится лишь к исполнению обычаев и обрядов, с хвалой Всевышнему за его милость и снисхождение, а социальные вопросы бытия до сих пор решаются феодальными отношениями.

– Наш народ мудр, сам найдет дорогу в будущее, – задумчиво произнес Жунус.

– Наш народ стоит на низшей ступени социального развития, отец! И нужна мобилизация усилий, прежде всего изнутри, чтобы стать хоть сколько-нибудь понятными и приемлемыми современному мировому сообществу. Социальные вопросы справедливости, материального благополучия решаются не путем равенства и необходимой потребности, а целиком зависят от тех, у кого большее количество табунов лошадей и отар овец. И вы уповаете на их сознание?!

Слова упреков, сказанные Тулегеном, в которых сквозило презрение, летели, летели в лицо Жунуса, как острые стрелы, и попадали ему не в лицо – в самое сердце.

– Дед моего деда так жил, – не зная, что ответить, с какой-то растерянностью глядя на сына, произнес Жунус.

– Плохо деда жили, – сказал Тулеген. – Дальше своего аула ничего не видели. Все норавлили заграбастать побольше, а чуть что – готовы были друг другу глотки перегрызть. Дружба у них была услужливо-льстивая.

– Не пойму я тебя, сынок. Давно ты стал думать об этом?

Наступило молчание.

– Был такой ученый Маркс, – прервал молчанье Тулеген, – так вот, он утверждал: «Когда идея овладевает массой, то она становится материальной силой». Вооружившись идеей, можно не только повелевать стадом и не только принуждением, но и изнутри, через тупое сознание. Народ надо вести за собой, учить его жить по-новому! Я не забыл ваших слов, отец! Учитесь! А теперь я должен идти своей дорогой, идти к тому свету впереди, что увидел благодаря учебе. Тогда, во время учебы, это меня еще не захватывало. А теперь не дает мне покоя. Долг перед народом – вот мое предназначенье.

– Я не могу спорить с тобой, сынок!

– Мне самому еще надо во всем разобраться, – чуть слышно произнес Тулеген. – Братья задали вопрос, почему нас, степняков, всех огульно зовут киргизами. Мы будем ими до тех пор, отец, пока не поймем, что нужно менять наше отношение к окружающему миру, не ограничиваться в своей жизни только обычаями предков и упованием на волю Всевышнего. Наша задача сейчас – не показывать зубы России, а вживаться в нее, в этот другой мир, через просвещение искать пути духовного обогащения народа, изучать достижения науки и техники, которые поставил себе на службу человек, и все это перенести на свой народ, чтобы улучшить и облегчить его существование в этих суровых условиях. Россия – это наш свет в конце тоннеля,

выход из вековой тьмы. Наши деды были мудры, встав под ее защиту. Но сейчас этого мало, нужно движение вперед... Я, пожалуй, пойду, отец! Да и вам пора отдыхать.

– Да! Конечно, ступай. Загляни к матери. Мы ужинаем поздно, если ничем не занят, приходи.

– Спасибо, отец! Отдыхайте.

Тулеген, выйдя от отца, направился к себе. Недалеко, у небольшой белой юрты одного из приказчиков Жунуса, отвечавшего за поступление податей и налогов, ее хозяина отчитывал приехавший урядник за какие-то недочеты-прегрешения с присущим русским людям этого сословия красноречием в спорных вопросах. И с каждым резким словом он рубил рукой, а на второй загибал пальцы. А приказчик-казах, худощавый, в покрытой зеленым вельветом безрукавке и белой, вышитой серебряными нитками тюбетейке, на каждый загиб его пальца виновато кивал головой.

Тулеген, увидев эту сцену, остановился, сделав надменный вид, прислушиваясь, и направился к ссорившимся...

– Урядник! Потрудитесь объяснить, что происходит?

Урядник, краснощекий, русский, с рыжими пышными усами, увидев казаха в офицерском мундире, сделал удивленный вид: «Нет, бывало такое, но чтобы здесь, в этой глуши, забытой Богом и людьми!»

Как бы предвидя удивление урядника, Тулеген, так и не дождавшись объяснений, продолжил:

– Смею вас заверить, уважаемый, что офицерские погоны жалованы мне монаршей милостью их императорского величества за труды не менее важные, чем обязанности сборщика налогов.

Служивый, не зная, что ответить, отрапортовал:

– Урядник Сухоруков, ваш благородь.

– Вы закончили, любезный?

– Так точно. Разрешите итить, ваш благородь.

– Сделайте милость. Не смею задерживать.

Урядник, взяв под козырек, тяжело взгромоздившись, прищпорил коня. Тулеген, проводив его взглядом, повернулся к приказчику, тот почтительно сделал уважительный поклон, приложив руки к груди.

Под впечатлением от происшествия, которому Тулеген невольно стал свидетелем, его опять стали преследовать гнетущие мысли. Из разговора с отцом он понял, что пройдут еще десятки лет и все так же, как теперь, в степи будет жизнь протекать своим чередом – не затронутая цивилизацией.

Навязчивые идеи о прозрении своего народа уносили его от настоящей, окружающей его действительности, и, как бы пытаясь избавиться от них, пожирающих его сознание изнутри, он повернул обратно и быстро зашагал к юрте матери.

9

С самого начала прибытия Тулегена в родной аул его мать Сулема, еще молодая женщина, не переставала ждать его появления у себя в гостях.

Ее небольшая белая юрта сияла чистотой и роскошным убранством. Справа у входа стоял небольшой, окованный серебряной чеканкой сундук работы хорезмских мастеров. Рядом с тахтой возвышалась гора аккуратно сложенных одеял и подушек, упрятанных в вышитые разноцветными кружевными, в восточном стиле, орнаментами пододеяльники и наволочки. Слева небольшой стол-дастархан, покрытый белоснежной кружевной скатертью. Он был заставлен разными сладостями, которые так любил в детстве ее сын.

Были тут и нават, и жент, много конфет. Немного жали-жая, подкопченной конины, жирные слои которой светились ярким янтарем. По всей юрте стоял запах ароматных баурсаков. Когда Тулеген подходил к юрте матери, из нее вышла с какими-то вещами девушка и, увидев его, быстро воротилась обратно. Через минуту показалась мать. После слов приветствия сына она прижалась к его груди, а затем вошли в жилище. Сидевшая на тахте поджав под себя ноги девушка быстро соскочила с места и стеснительно прикрыла лицо ладонями.

– А это моя помощница Алия, дочь наших дальних родственников, – с какой-то особой гордостью сказала Сулема.

– Здравствуй, красавица.

Девушка слегка поклонилась.

– Она тоже умеет говорить по-русски.

– Но! Весьма похвально.

С самого детства Алия тянулась к солнцу, как весенний цветок, и к семнадцати годам стала стройной, как стебель султана ковыля, а в темных отблесках глаз, напоминавших блеск воды степного колодца, стояла такая глубина, что, заглянув в них, можно было утонуть. Она была в длинном шелковом полупрозрачном голубом платье, под которым угадывались стройные линии тела.

– О, восточные сладости! – переведя взгляд на скатерть, по-детски обрадовался Тулеген.

– Это все моя помощница, – отозвалась с улыбкой мать.

Тулеген взглянул еще раз на девушку, та зарделась от похвалы, ее глаза, опущенные ресницами, дарили тепло и нежность.

Сели пить чай.

– А как скачет она на коне!.. – продолжала мать нахваливать свою воспитанницу.

– Что ж вы хотите, дочь степей! – По лицу Тулегена пробежала улыбка. – Может, завтра составите мне компанию? Я тогда не стану отрываться от дел пастуха Мукаша. – Тулеген взглянул на девушку.

– Поедет, – с радостью ответила за нее мать.

Та с милой улыбкой на лице стеснительно кивнула.

Он говорил о своих годах учебы, как живут в больших городах, как учатся и одеваются барышни. Женщины, затаив дыхание, слушали его. Он был настолько поглощен своим рассказом, что не заметил, как девушка не сводила с него глаз. Сулема по-матерински была проникнута к девушке любовью и заботой и с появлением сына молила Всевышнего, чтобы молодые люди нашли в своих сердцах привязанность друг к другу, которая перешла бы в большое чувство. Она за беседой занималась заставленной скатертью, все подсовывая сыну угощения.

– Спасибо, мама! И тебе, Алия, тоже. Все было очень вкусно. Ну что, пусть готовят нам лошадей? Не передумала? – С мягкой улыбкой Тулеген вопросительно посмотрел на застенчивую девушку.

– Хорошо, будем готовы, – смеясь, опять за нее ответила мать.

Утром, подъехав к юрте матери, он не успел спешиться, как оттуда вышла Алия. Она подошла и, взяв из рук Тулегена поводья второго коня, легко, как перышко, поднятое ветром, оказалась в седле.

На ней были легкие белые просторные шаровары и в тон зеленой байковой безрукавке легкая, с длинными рукавами и поднятым воротником кофта. На голове – вышитый серебром зеленый чепчик, увенчанный на макушке вензелем.

Выбравшись из аула, Алия умеючи прищпорила коня, сорвавшегося в галоп, вырвалась вперед, но Тулеген дал волю своему орловскому рысаку, и скоро они поравнялись, перейдя на легкую рысь.

И степь широко развернулась перед ними, нет ей ни конца ни края. Летний теплый день пошел на убыль, но солнце еще было высоко, даря тепло всему живому, тянувшемуся к его лучам, к свету жизни.

Тулеген все говорил и говорил, уже с деловитостью заправского знатока, о новой жизни, в которую сам, как в пучину, был когда-то брошен волею судьбы, где люди живут другим миром, и при этом не скрывал своего восхищения перед родными местами, этой девственной степью, овеянной чистотой и свежестью, как юная Алия.

Время от времени он поглядывал на свою спутницу, а та при каждом взгляде, еще стесняясь его, опускала ресницы, прикрывала рукой лицо, неумело пряча свою трогательную улыбку, но глаза так и манили к себе ее спутника. Она старалась ехать рядом.

Кони, как будто понимая обоюдные чувства симпатии молодых своих хозяев, неторопливо вышагивали на пружинистых ногах, стараясь не быть участниками в их интимных делах.

Кажется, так бы и ехали по этой бескрайней степи всю жизнь.

Оставим их одних: дела, угодные Аллаху, свершатся и без нас...

10

Время пребывания Тулегена в родных местах, где прошло его беззаботное детство, подошло к концу. Пора собираться в дальнюю дорогу. За все эти дни с волнующим трепетом он побывал в укромных местах и знакомых закоулках. Поездил по широкой девственной степи, налюбовавшись ее богатой и красивой, ни с чем не сравнимой природой. И, сидя у себя, как бы подытоживая, обдумывал, как найти точки соприкосновения между двумя противоположными мирами: такой спокойной степью с ее многовековым устоявшимся укладом – жизнью степняков – и тем бурлящим, ищущим, мыслящим, прогрессирующим, открывающим горизонты возможностей для улучшения жизни человечества.

Закравшиеся внутрь мысли об этом грызли его сознание, не давали ему покоя. Как бы ему хотелось, чтобы его народ шел в ногу со всем развивающимся миром...

«И мой народ познал бы плоды цивилизации, сам стал бы на путь развития, – так размышлял Тулеген. – Но трудно будет соединить несоединимое, как бараний жир с водой. Здесь нужны радикальные меры, поскольку надо будет переломить сознание людей с обеих сторон – с вековыми устоями одних – и заставить понять, принять его другими».

Размышляя над этим и не находя ясного ответа, он иногда вскакивал от ужаса, от безысходности, а может, и просто от собственного бессилия самому чем-нибудь помочь. Но каждый раз на грани отчаяния он брал себя в руки и, начиная с малого, обдумывал, как при существующем укладе жизни степняков найти почву для того, чтобы взошли ростки нового миропонимания в народном сознании.

Тулеген очнулся рано и, мечтательно склонив голову, лежал. Утренний, ранний сон самый полезный, только почему-то не спалось ему. Наступило утро дня отъезда. Он вышел из юрты. Над горизонтом занималась заря, окрашивая его в оранжевый цвет. Травы, набравшиеся ночной росы, распространяли прохладу. И вскоре в голове наступила ясность, поборов дремоту. Тихо-то как вокруг! Недалеко, рядом с аулом, бродят стреноженные рабочие лошади и дойные кобылицы. Одна кобыла сильно заржала, нарушая предрассветную тишину, и сразу же на ее зов отозвался по-детски звонким, дребезжащим голоском жеребенок.

«Бездушная тварь и та любит своего ребенка», – с трогательной улыбкой подумал Тулеген.

Медленно, как будто исподволь, выползавшее солнце все ярче стало освещать горизонт. Все постепенно просыпалось и тянулось к утренним лучам солнца, дарившим всему живому жизненную энергию. Каждая травинка пела о жизни, и нежный утренний жансалык-ветерок перебирал их ласково, будто боясь надломить хрупкие стебельки.

Утренняя прохлада прошла по телу слабым ознобом, и Тулеген возвратился обратно в жилище. Покончив с утренним моционом-туалетом, собрав в дорогу вещи, просматривал сделанные пометки-записи...

Уже совсем рассвело, когда он направился к жилищу отца. У отца уже сидели старшие сыновья. На слова приветствия вошедшего Тулегена братья поднялись с места и обменялись с ним рукопожатиями. Все трое подсади к столику-дастархану напротив отца. Жунус с достоинством человека, довольного собой, с улыбкой на лице спросил:

– Ну что? Смотрел наши табуны и отары?

На что Тулеген уклончиво ответил:

– Я рад, отец, за ваше благополучие.

Жунус властно кивнул. Вошли снохи, жены старших братьев, и, разлив в пиалы, подали всем кумыс. Затем степенно вышли и так же скоро воротились обратно с подносами в руках. В связи с отъездом не ко времени подали сочный бешбармак и наполненные пиалы с акельсурпой.

Ели все молча, каждый думал о своем.

– Ешь хорошо, до ближайшего стола недалеко. В дорогу всегда надо быть сытым, – глядя на Тулегена, обеспокоенно говорил Жунус за едой.

Покончив с завтраком, за чаем Жунус сунул руку под подушку и вынул кожаный бумажник:

– Это тебе на первое время, возьми, сынок. А там уж, когда дашь о себе знать, я распоряжусь.

На слова отца старшие братья одобрительно кивнули.

– Спасибо, отец! На будущее я постараюсь вас сильно не обременять заботами. – Тулеген, приняв деньги, приложил руки к груди.

– Служи хорошо, – продолжил Жунус, – помни про нас и свой народ. – В мягком голосе отца прозвучала неуверенность, но и какая-то надежда на правильно выбранный сыном путь.

По ту сторону юрты слышались голоса собравшихся родственников и аульчан, которые прервало игривое ржанье лошадей.

Подъехал тарантас с уже уложенными вещами Тулегена.

– Слава Всевышнему. – Жунус провел по лицу ладонями и встал.

Вслед за отцом поднялись сыновья, благодаря за сытный завтрак. Вышли из юрты.

– Ну, пора, сынок! Храни тебя Аллах!

Тулеген обнялся с отцом и братьями. Подошел к стоявшим впереди толпы матери с Алией. Припавшая к груди сына мать, прощаясь, тешила себя надеждой на скорую встречу с ним. Взглянула на свою воспитанницу, и вслед за скатившимися слезами по ее лицу пробежала нежно-трогательная улыбка.

Тулеген подошел к рядом стоящей Алие и быстро поцеловал ее в щеку, и она, переборов в себе смущение стыда перед аульчанами, с вспыхнувшим румянцем и легкой улыбкой на кончиках губ ладонями коснулась его груди. Подойдя к тарантасу, взошел, набросив на плечи дорожную накидку.

– Спасибо-рахмат за все вам, родные и земляки, – обратился к провожающим. – Мира вам и добра. – Он поклонился и сел.

– Бисмиллях... – произнес слова молитвы и провел ладонями по печальному лицу Жунус.

– Бисмиллях... – повторили за ним все стоящие, благословляя Тулегена на трудные ратные дела.

Лошади, не понукаемые кучером, как только тот взял в руки вожжи, не сорвались рысью, а тронулись шагом, будто понимая печаль разлуки своего хозяина с родными местами. Но затем, поравнявшись с серыми юртами на краю аула, сами перешли на легкую рысь. Тулеген

обернулся и долго глядел на уходящих куда-то вдаль аульчан. Он все смотрел не отрываясь, с жалостливой тоской, пока кибитки не стали маленькими, как приозерные кочки, затем аул скрылся за пологим скатом холмистой степи. На душе Тулегена было чувство не радости, не грусти, как когда-то, много лет тому назад, когда он подростком вот так впервые покинул родные места, а было чувство озабоченности за свой народ, аульчан, с чувством зрело рассуждающего человека.

Думая о них, он размышлял: «Сердца у них добрые, не пожалеют скотину, если доведется, последнего коня оседлают за правое дело, важно только их доброту и энергию направить в нужное русло».

Степной простор широкий, но дорога у него теперь одна – только в обратный путь, туда, в тот мир, куда впервые был увезен из этих родных мест, на чужбину, ставшую теперь такой родной и понятной.

Часть II

1

Время шло день за днем, наматывая годы жизни, которые, словно высохшие кусты перекасти-поля, укатывались в безвозвратную даль. Степь жила своей тихой жизнью, но иногда ее будоражили происходящие в России события: начало Первой мировой войны, революция (не стало царя) – и вот снова смена власти.

Шел 1918 год. В степь хлынули новости, как вода из полноводных рек, и что ни гонец – то опять перемены. Их передают из уст в уста, каждый понимая и пересказывая их по-своему, и под конец уже не понять, с чего все началось и кто первым взбудоражил тихую степь. Новости обсуждают в богатых белых и бедных серых юртах, у пастушьих костров. Да еще какие новости! Казахи хотят свое ханство создать – Алаш-Орда⁸.

В аул прискакал гонец. Ловко соскочив с коня и отдав поводья одному из джигитов, находившихся поблизости у юрты Жунуса, вошел в нее. О чем они там говорили, никто не знал, и только к вечеру гость собрался в обратный путь. Жунус, оставшись в одиночестве, мысленно перебирал и обдумывал привезенные новости: «Степь захлестнуло событиями разного толка, каждый понимает случившееся по-своему. Поди разберись, где правда, кто прав, а кто виноват. Что творится в мире? Уже до степей дошло. Вай-вай! Что ждет впереди степняка, что с нами будет, никто не ведает, даже сам Аллах. – Жунус задумчиво поглаживал пальцами усы и, как бы найдя ответ на все вопросы разом, улыбнувшись, потянулся за пиалой, наполненной кумысом. – Нет власти больше русских над казахами. Свобода пришла в наши степи. Будем теперь жить, как наши деды жили. У каждого аула свой отдельный мирок – своя жизнь. Как бы там ни было, мы, казахи, между собой все равно договоримся. Мы должны держаться теперь все вместе, в это нелегкое время, чтобы не утонуть в пучине непонятных событий, а главное, не паниковать. Когда человек впадает в панику, он теряет все. Настало время великих перемен. И тут важно не упустить момент. Сегодня Россия – это огромный каравай, вокруг которого уже расселись разные недоброжелательные люди, готовые разорвать его на части, и каждый пытается урвать кусок побольше, послаще. Над Россией занесена петля аркана, и они все готовы затянуть ее, прервав жизненно важные артерии».

Жунус, неторопливо допив кумыс, тяжело встал и вышел из юрты. Жансылык, теплый и благодатный ветерок, прошелся по его лицу, и он вдохнул его живительный аромат.

«Слава Аллаху, кажется, наступает такое время, когда у каждого появится возможность осуществить свои мечты и помыслы. Одни приобретут власть, другие богатство, а беднота просто хочет быть всегда сытой. Богатства у меня и так хватает, а вот насчет власти не все понятно», – стоя у юрты, размышлял Жунус. Было тихо и тепло. Закат давно уже погас, и звезды на небе становились все ярче. Сумерки сгущались, и юрты жались друг к другу, теряя свои очертания.

«Все в мире идет своим чередом, ничто не стоит на месте. Одни уходят, другие приходят, только это звездное небо неизменно, вечно», – эту последнюю фразу Жунус произнес вслух, как будто хотел, чтобы кто-то да услышал его, и, не дождавшись ответа, воротился в юрту.

Где-то в юрте забился сверчок, но однообразная его трескотня не нарушала тишины, а, наоборот, придавала ей еще большую монотонность.

Полулежа на тахте, опершись на подушки и поглаживая усы, он все продолжал обдумывать привезенные вести: «От Тургайских степей Оренбуржья до Петропавловска организо-

⁸ Алаш-Орда – государство, которое хотели создать казахские националисты.

ваны отряды казахских националистов Алаш-Орды. Алаш-ордынцы! Понятно, что казахи. Но почему именно они претендуют на всю власть в степи? На линии Сибирской железной дороги, нарушив соглашение с правительством, поднял мятеж Чехословацкий корпус. И кто такие эти чехи? В Омске опять новое правительство. Вай-вай! Что творится на белом свете! Когда в 1914 году началась война, она повлекла за собой много затрат, правительство увеличило подати, сбор налогов с казахов. Это еще ничего, это понятно. Такое горе у народа, но затем затребовали к мобилизации и наших сыновей. Как же так?! Когда объединялись, дед царя клятву казахам давал, бумаги подписывал, на которых царские печати стоят. А в тех бумагах сказано, что жить казахам вольно и мирно, пасти свой стада да исправно платить подати. А на деле совсем другое получается. Много тогда недовольных было. Недовольство казахов привело к тому, что в 1916 году в Тургайской степи вспыхнуло восстание во главе с батыром Амангельды. Посланные правительством казачьи части жестоко подавили мятеж. Были сожжены и разорены десятки аулов».

Жунус провел по лицу ладонями, тихо произнося слова молитвы, скорбя о погибших...

На его задумчивое лицо печалью легла усталость, и он погрузился в дремоту. За юртой стояла темная азиатская ночь.

2

Утро следующего дня выдалось хмурым и пасмурным, как будто навеянное печалью от привезенных накануне новостей. Ближе к полудню к юрте Жунуса заторопились белобородые аксакалы и родовая знать. Все хотели узнать, что за новости привез вчерашний гость старшине рода.

В юрте набралось с дюжину человек. Сыновья, как всегда, сели по обе стороны отца, расселись по своим местам аксакалы и родовая знать. Когда все пришедшие поприветствовали друг друга, Жунус без всякой торжественности, как обычно он поступал, тихо начал:

– Клянусь Аллахом, правоверные, я не совсем понимаю, что происходит с властью в России. – Он сделал паузу, как будто давал всем время обдумать и осмыслить сказанные им слова. – Сейчас в мире такое творится... – продолжал он. – Много разных перемен, степь полна новостями. До войны все шло своим чередом, жили казахи в мире и согласии с властями. Когда в четырнадцатом году началась война, были объявлены дополнительные поборы, мобилизовали часть лошадей и прочее. Мы тогда, в то тяжелое для всех нас время, хоть с неодобрением, но с пониманием отнеслись к властям. А два года спустя, в шестнадцатом году, было в Тургайской степи поднято восстание во главе с батыром Амангельды Имановым. Во все концы были посланы гонцы, и к нам тоже. Мы тогда не поддержали восставших и не стали выступать против российской власти. Восстание было подавлено посланными правительством казачьими частями. Много людей погибло и сожжено аулов.

Аксакалы сочувственно покачивали головами.

– Верно говоришь, батыр! – поглаживая рукой белую бороду, отозвался старый аксакал. – Плохо тогда дело было, много крови пролили. А все почему? – продолжал он. – Потому что каждый своим мирком живет, дальше своего аула ничего не видит. У себя все в порядке – и ладно. Сегодня у одного беда, а завтра у другого. В таких случаях всегда нужно держаться друг за друга, тогда и беду легче одолеть.

В юрте наступило молчание. Разве можно возразить против такой правды?

– Когда в семнадцатом году царя скинули и уже не было его власти над казахами, – продолжал Жунус, – весной карательные отряды продолжали бесчинствовать, и только по настоянию людей, что большевиками себя называли, Временное правительство отозвало их, и прекратилось мародерство.

– Это правда, видит Аллах, – отозвался опять тот же белобородый аксакал.

Рядом с ним сидящий такой же древний, подремывавший от старческих недугов аксакал, не зная, что сказать по существу дела, все же поддержал разговор, подчеркнув этим свою важность и значимость на сходе.

– Весной прошлого года, – начал он, – большой джунт был, много скота погибло, лето было сухое, травы мало, пастбища осиротели.

Все оживились, зашушукались между собой и понимающе закивали головами, потому как для них это был разговор на понятную тему. Затем все затихли, глядя на Жунуса.

– Те, что себя большевиками называют, что помогли в прошлом году прекратить мародерство, теперь хотят формировать национальные казахские войска частями, – продолжал Жунус. – В округе в юртах бедняков только и говорят о них, о том, что будут в степи создавать новую власть, Советами называется. Они хотят, чтобы в нашем ауле и в волости простые люди-беднота сами выбирали свою власть. Хотят, чтобы у власти были самые справедливые и жили все в равенстве: и пастухи, и их хозяева-баи!

От последних сказанных им слов у присутствующих пробежавшая по лицам ехидная улыбка сменилась удивлением: «Как такое может быть?» Все внимательно своими узкими глазами посмотрели на Жунуса: «Что он говорит?» У каждого во взгляде мелькнуло неодобрение. Разговор в нужное русло направил Жунус, всех успокоив словами:

– Вчера гость говорил, что из Омска пришло сообщение. Новая власть, Советы, не удержалась. Опять новое белочешское правительство в Омске, и, наверно, объявят мобилизацию лошадей.

– Нет уж, хватит! – резко соскочил с места Темиргали, словно его обдали кипятком. – Я свои табуны не дам, угоню в Кулунду. – Не мог он в себе никак погасить вспыхнувшую ярость.

Жунус махнул перед ним рукой, чтобы тот сел на место.

– Сейчас речь идет, как вообще будем жить дальше, а он про свои табуны, – бросил строгий взгляд на брата Усман. – Кто про что, а собака про блохи, – уже с ехидной улыбкой закончил он.

Жунус, оглянувшись на старшего сына, одобрительно кивнул.

– Так что скажете, аксакалы? – когда все затихли, обратился он к присутствующим.

Все зашептались между собой, обсуждая услышанное, каждый понимал, что опять все идет не к добру. Напротив Жунуса сидел самый почитаемый в ауле аксакал Шакен. Он простер перед собой руки, удерживая их, пока все не замолчали, затем провел ими по лицу, произнося слова молитвы.

– Новая власть опять, говоришь, батыр! – начал он. – Последнее время и правда степь что только не пережила. Пусть едут к нам все, каждый со своими важными делами, а с хорошими или плохими для нас, мы уже там решим сами. Мы всех выслушаем, а потом скажем свое слово. – Он опустил голову. – Пока что все власти только налоги собирали да последнее отбирали.

– Верно говоришь, уважаемый! – слышалось от сидящих.

– Опять пойдут перемены, и неизвестно, чего нам ожидать, – задумчиво начал Жунус. – Теперь вся степь будет в огне. Бродят разные банды, каждый отстаивает свою правоту. Шныряют карательные отряды. Грызутся и дерутся между собой, как волки. И чем все кончится, сам Аллах не ведает. Вот что, аксакалы, – немного помолчав, продолжил Жунус, – надо самим себя защищать. Если кто к нам придет с добром, встретить с должным, как принято у нас, гостеприимством. Но а если забредут такие, что начнут нами понукать, да наставлять, да обирать, – сами возьмемся за оружие. Наши джигиты держатся в седле не хуже русских сарбазов, правда, винтовок мало, в основном ружья и кремневки, да и то не у всех. Но нужно собрать свой отряд и вооружить тем, что есть. Необходимо в окрестностях аула нести охранную службу. Возглавлять сторожевые дозоры будут поочередно мои сыновья Усман и Темиргали.

Сыновья, сидевшие по обе стороны отца на мягких подушках, когда тот объявил о своих намерениях, приложив ладони к сердцу, сделали поклон, всем своим видом давая понять присутствующим о своем согласии с его словами.

– Видно, еще не скоро все утихомирится. Что же, подбирайте людей и снаряжайте для несения дозора, медлить с этим нельзя, – окинув всех взглядом, сказал Жунус. – На том и порешим. Видит Аллах, не по злему умыслу нам приходится братья за оружие. Бисмиллях... – произнес Жунус начальные слова молитвы и провел ладонями по хмурому лицу.

– Бисмиллях... – повторили все сидящие и, поднимаясь, стали расходиться.

3

С наступлением лета все шло в степи без особых потрясений. Аульчане были заняты своими повседневными делами, и редко к ним навевались непрошенные гости. Но пришла осень, пригнали с летних пастбищ скот – отары овец, табуны лошадей, – и степь опять стала наводняться разного толка событиями.

Жунус, сидя у себя и поглаживая усы, неторопливо, словно косточки барашка, обсасывал новые вести: «Не шайтана ли это проделки? Как осень, так смена власти, – с усмешкой подумал про себя он. – В Омске действует Сибирское правительство, которое уже собрало подати, но из Центральной России прибыло еще одно правительство, какая-то Всероссийская директория. Что за власть? Может, Аллаху известно, но мне пока еще нет. Говорят, они хотят объединить все разрозненные силы бывших царских военных и чиновников и взяться за наведение порядка в стране. Что ж, поживем – увидим. – Его уже не особо волновали эти, казалось бы, судьбоносные перемены. – Поменялась опять власть, ну и ладно! Надолго ли? Мы всякое уже пережили за последние годы, переживем и на этот раз».

Приняв эту новость от посыльного гонца своих людей в городе, он даже не стал собирать у себя глав семей и старшин родов, как тому надлежит, чтобы обсудить и принять решение в очень важных делах.

«Я думаю, это опять ненадолго», – успокаивал себя Жунус.

Как-то сразу пришла и зима, не дав осени показать себя во всей красе, и практически отрезала степь от всего большого мира. Казалось, что зима, одев степь в холодное белое покрывало, охладила и пыл страстей всякого рода эмиссаров с их требованиями и резолюциями. Что касается власти, то Жунус уже знал, что местное правительство в сговоре с военными сделало переворот и Верховным правителем России в Омске выбрали морского генерала по имени Колчак. Понимал и то, что как только теплые ветры будущей весны снимут белый покров зимы и начнет, как и в природе, все пробуждаться, так и в жизни наступят опять перемены. Он был не так уж далек от истины. Лето 1919 года оказалось самым тяжелым и непредсказуемым временем в жизни степняков и полным трагизма для самого Жунуса...

С наступлением тепла зачастили по разбросанным переселенческим селам представители от новой власти – реквизиторы хлеба и скота для нужд города и в первую очередь военных. Не настал еще тот день, когда большую часть скота и лошадей угоняли на летние пастбища, как зачастили поборщики податей и объявили мобилизацию лошадей.

В степи опять стало беспокойно. Через села и аулы все чаще и чаще, в основном ночью, шли солдаты. Но уже больше не комиссованные с фронтов и калеченные из госпиталей, а здоровые, бежавшие с фронта. Эта вооруженная, голодная и оборванная свора, естественно, повлекла за собой грабежи и налеты, обыденным стало воровство скота и лошадей. Пользуясь неразберихой в управлении страной, зачастили в степь и представители неудержавшейся народной власти. Небольшими группами-отрядами – два-пять всадников во главе с комиссарами – посещали села и аулы. Это больше всего волновало и тревожило Жунуса.

«Если два года назад бедняки разбежались и прятались, никто не хотел брать в руки оружие, то теперь все по-другому. У агитирующих за власть комиссаров сами просят дать винтовку, последнего коня седлают – и туда же. – Жунус покачал головой. – Если так пойдет, скоро некому будет пасти скот. А моих родовых вождей что-то не видно, видать, потянулись к алаш-ордынцам. Что ж, на все воля Аллаха. Мудро сказал аксакал Шакен: “Пусть едут все со своими делами, а там будет видно”. Лишь бы как можно меньше пролилось крови».

В три часа пополудни в этот же день у Жунуса собрались сыновья Усман и Темиргали. Решили опять, как в прошлое лето, нести сторожевые дозоры, чтобы в ауле не было большой беды.

4

День шел к закату, и оранжевый диск солнца лег уже на горизонт. На одном из пастушьих станов, управившись с делами и расположившись у небольших ракич, пастухи готовили ужин. Языки пламени облизывали закопченный котел, над которым голубой дымок уходил свечкой в небо. Рядом лежавшая большая мохнатая собака подала голос, когда вдаль показались трое всадников.

Заметив их, пастухи у костра повскакивали. К ним приближались наездники. В глазах аксакалов напряжение сменилось удивлением, когда подъехавшие люди в солдатской одежде оказались казаками. У всех троих сбоку висели шашки, как у русских сарбазов, а у ехавшего впереди сбоку еще держалась большая деревянная кобура с пистолетом. У двоих за плечами были винтовки.

– Абсалам-магалеюкум! – поприветствовал всех едущий впереди.

– Угалеюкум-ассалам, – ответили пастухи.

Наездники спешили, по уставшим лошадям было видно, что гости прибыли издалека. Старший из них оказался самым молодым. Подтянутый, с офицерской выправкой, говорящий на русском, и только когда лица пастухов выражали непонимание, он повторял все по-казахски. Это был Тулеген Калижанов, перед революцией служивший в Оренбурге. После революции перешел на сторону большевиков. И теперь по заданию своей организации скакал по такой противоречивой в своих взглядах на будущее степи от одного пастушьего стана к другому и объяснял про новую народную власть.

– Просим вас к нашему очагу, агай, – пригласил старый аксакал.

– Спасибо, отец. Засиделись мы в седлах, – с приветливой улыбкой поблагодарил его за приглашение Тулеген.

Двое безбородых пастухов быстро отошли и вскоре воротились – один с железным подносом, на котором жареная баранина издавала душистый аромат, другой разостлал самотканую скатерть, на которую положили лепешки и поставили поднос с мясом. Гости со словами благодарности принялись есть... Поужинав, Тулеген, приложив руку к груди, поблагодарил пастухов за еду.

– Ну а теперь поговорим, аксакалы, как живете, что вас тревожит, что слышно о власти в ваших краях.

Обычно приезжие важные гости только приказывают и поучают, а тут предлагают говорить на равных, чем сразу расположили к себе людей. Под одобрительный шум пастухи расселись вокруг костра.

– Что мы знаем о власти, агай! – начал пожилой кряжистый пастух. – В мире много перемен разных. Не стало царя. – Тулеген одобрительно кивнул. – Казахи создают свою власть, свое ханство Алаш-Орда. Появилась было еще одна власть народная, но от одного стана к другому передают печальные вести, что новая власть, которая так нравилась пастухам, умерла.

– Ну а вы как думаете? И как вы теперь собираетесь жить? – задал вопрос Тулеген.

– Не знаем, агай. Мы живем в степи, редко людей видим. Пока до нас дойдут одни новости, уже появились другие.

– Ну хорошо, давайте порассуждаем вместе. Вы говорите, казахи свою власть создают – Алаш-Орда – и уже выбрали хана?

– Точно так, батыр!

– Эти алаш-ордынцы уверяют, что степи едины, что нет расслоения среди населения, то есть все равны. Разве это правда? Вы ведь знаете не хуже меня, что в степи казахи не все живут одинаково: одни богатые, другие бедные.

– Верно говоришь, агай!

– Они говорят, что все казахи – одна семья. А как такое может быть, чтобы в одной семье жили одни бедно, другие богато? Выходит, простому человеку везде плохо. Плохо было при царе и при своих также будет не лучше.

– Все верно говоришь, агай! Мудрые слова, – закивали аксакалы.

– А вот народная власть, – продолжил Тулеген, – которую хотят создать большевики, будет справедливая, потому как большевики сами в основном из простого народа.

– Иман-мулла говорит, что большевики бывают только русские, а им нельзя верить, они все неверные, – высказался безусый аксакал.

– Мы казахи, нам с урусами не по пути, – отозвался рядом с ним сидящий.

Тулеген слушал их и думал: «Трудно будет переломить веками устоявшийся уклад жизни в степи».

– Ну почему только русские? Я тоже большевик и, как видите, казах. – Тулеген посмотрел на их лица, на которых было так и написано: «Нельзя верить человеку, который продался урусам». – Вы чему удивляетесь? Более того, я сын бая!

– Вай-вай! Как такое могло случиться?.. – запричитали аксакалы.

– Большевики ставят задачу дать народу возможность развиваться самим. Те люди, о которых вы говорили, которые хотят свое ханство создать, сколотили блок из недавно враждовавших между собой группировок – буржуазных националистов-богатеев. В степи часть родовой знати, верхушки баев, действует в согласии с бывшей русской колониальной администрацией и царским офицерством. Вот этим людям действительно нельзя верить – а большевикам, которые хотят в степи народную власть создать, Советами называется, всем казахам объявили: «Берите в руки оружие и сами защищайте себя. Устанавливайте свою народную справедливую власть». Я поверил большевикам и сам стал большевиком, потому как считаю, что мой народ достоин лучшей жизни. Народу нужно просвещение, чтобы ваши дети и внуки учились, а не только байские сынки, чтобы кто-то стал учителем, а кто-то лекарем-врачом, а другие освоили разную там технику: машины, паровозы, корабли и прочее, чтобы, в конце концов, жили без нужды, в достатке. Разве вы этого не хотите? – Он посмотрел на непонимающие лица сидящих.

Тулеген все подбирал слова попроще: «Ну, пойдешь объясни им про Советы, если для них паровоз – это большая железная арба. Не говорить же с ними про развитие капитализма в России, приведшее к революции!»

– Ваши обычаи и обряды, – продолжал он, – что от отцов и дедов идут, никто не запрещает. Человек свободный должен быть самим собой и уважительно относиться ко всему, что накопил наш народ за столетия. Каждый в новой жизни будет выбирать для себя нужное и полезное для людей дело.

– Вы, конечно, правы, агай, потому что человек ученый, – ответил один из безбородых пастухов. – Но у нас в степи говорят: худо само не уйдет, а добро не придет.

– Чтобы худо ушло, как вы говорите, – перебил его Тулеген, – надо садиться на своих лошадей, брать в руки винтовки и воевать за добро, свою власть.

– Правду батыр говорит, знает нашу жизнь не понаслышке, хоть и служит у урусов. Мы тоже так думаем, – наконец заговорил все время молчавший самый старый аксакал.

– Передавайте наш разговор всем аксакалам, кто б ни завернул к вашему очагу, – почувствовав наконец в их душах понимание сказанного, с повеселевшими глазами закончил разговор Тулеген.

«Националисты казахские богачи утверждают, что большевизм никогда не найдет себе союзников в степи в силу уклада жизни казахского народа. Ошибаетесь, господа крестники», – подумал про себя Тулеген и успокоился, глядя на аксакалов, зная, как быстро распространяются новости в степи.

– Пора отдыхать, утром рано в дорогу, надо спешить, – вставая с места, обратился к своим спутникам Тулеген.

Все встали.

– Если спешите, то нельзя терять время, вы подкрепились, лошадей мы дадим других, снарядим в дорогу. По степи рыскает множество разных банд – сами понимаете, какое сейчас время. Вам лучше пробираться в сумерках, – глядя на Тулегена, обеспокоенно сказал старый аксакал.

– Вы, наверное, правы, отец. Что же, раз так, то спасибо-рахмат, будем трогаться в путь. – Тулеген пожал руку старику.

Оседлали других лошадей. Пастухи дали хурджум-сумку с лепешками и бурдюк с водой. Отряд покинул пастуший стан. Степь лежала в сумерках, и кусты раkit тайно темнели в серебристом свете луны. У пастушьего костра Тулеген не стал говорить, что он сам из этих мест и, может, даже это были пастухи его отца.

«Свое прошлое надо забыть, – думал он про себя, – чтобы не навредить всему большому делу. Благо, что из-за моего долгого отсутствия в этих местах не все меня узнают и знают».

5

Когда забрезжил рассвет, отряд все еще находился в пути. Тулеген все торопил и торопил своего подуставшего коня, потому как больно волнуяще щемило сердце в ожидании встречи с родными местами. Бойцы спешили за своим командиром. Он, ехавший впереди, по еле различимым признакам, нанесенным на карту, которую просматривал накануне, находил верный путь. Основной месяц лета, июль, шел на убыль вместе со временем. Тишина окружала со всех сторон.

«Жуткая тишина, аж немножко тревожно», – подумал Тулеген.

Сильно потянуло сыростью в и без того перенасыщенном ночной прохладой воздухе. Над горизонтом в стоящей темной мгле стали вырисовываться очертания камыша – это озеро Конур. В заливных прибрежных лугах стояла высокая и сочная трава, над которой местами, словно бородавки, возвышались кочки.

«Аул совсем уже близко», – с трогательной улыбкой на лице подумал Тулеген.

В камышовой чаще глухо прокричала выпь. А где-то в глубине озера, встречая рассвет, подняли гомон гуси...

Перед самым рассветом отряд напоролся на засаду. Притаившиеся за высокими кустами ракиты на подступах к аулу аульчане открыли беспорядочную стрельбу по всадникам.

– Назад! – закричал Тулеген по-русски и круто повернул коня.

Но бойцы были убиты сразу наповал. Отстреливаясь, он поскакал, чтобы укрыться в прибрежных камышах озера.

– Ах-х! – вскрикнул Тулеген...

Пуля попала в спину. Повернув руку, схватился за рану, но в глазах все поплыло, закружилась голова, и он вывалился из седла.

Подъехавший к упавшему джигит вскрикнул:

– О Аллах! – Он соскочил с коня и склонился к умирающему, приложив руки к груди, повторяя слова молитвы.

Тулеген приподнялся на руках и широко раскрытыми глазами с жалостливой обидой молча посмотрел на него, а затем на горизонте показалось солнце, оранжевый восход которого с неудержимой силой поглощал ночную тьму. Он подумал: «Хорошо бы с природной тьмой ушла бы и тьма отсталости моего народа и, как на этом горизонте, взошла бы заря счастья и процветания».

Он с судорогами в руках опустил, и голова тихо склонилась к левому плечу. Подъехал Усман с несколькими джигитами, бросив поводья, спешил.

– Ваш брат, ага! – глядя на Усмана растерянным взглядом, поднимаясь, произнес джигит.

Усман стоял не двигаясь, еще не совсем понимая, какое горе постигло их семью. Подойдя, склонился над лежащим, положив руку на голову, посмотрел в лицо брата. Усман поднял глаза:

– Он мертв?

– Да, ага! Мы отвезем его домой, ага.

Усман медленно поднялся, как будто тяжесть брата тянула его книзу.

«Он мертв, брат мой Тулеген», – несколько секунд он простоял в замешательстве, растерянности, затем, тихо ступая, пошел прочь от этого ужасного зрелища...

Когда бездыханное тело Тулегена привезли к отчему очагу, солнце уже вышло из-за горизонта и все вокруг оживило своими ослепительными лучами. Легкий трепет пробежал по собравшимся у юрты Жунуса аульчанам. Стоящие с неподдельной скорбью, понуро опустив головы, тихо причитали. Жунус вышел из юрты. Все расступились, и он подошел к телеге, где на кошме лежало тело сына.

Что думал он в эту минуту, увидев сына мертвым? Ему, всякое повидавшему на своем веку, хватило мужества стойко принять удар судьбы и на это раз. На его суровом холемом лице не дрогнула ни одна жилка, только из щелок темных глаз скатились по щекам слезы. Джигиты, подняв тело, внесли его в жилище и уложили на ковер...

Жунус долго сидел, глядя прямо перед собой, не двигаясь, словно не сын, а он был мертвецом. Лишь только пришедшие откуда-то из глубины души воспоминания о детстве сына заставили его неожиданно вздрогнуть и опять затихнуть. Его объял ужас, нелепость происшедшего, легшая тяжестью на плечи, и он, осунувшись, погрузился в раздумья: «Как же так? Моего мальчика больше нет. С самого его раннего детства сколько я добрых надежд возлагал на этого смысленьша... Как все хорошо шло, складывалось. Помня мои слова напутствия, преодолевая все трудности, вкусил азы науки, сорванец, получил хорошее образование».

Некстати по его лицу пробежала легкая улыбка, и мгновенно опять оно обрело скорбный вид. Глаза Жунуса подернулись туманом, ему грезилось, и он видел перед собой не реальность, не лежащее бездыханное тело, а бравого молодого аксакала, одетого в мундир с золотыми погонами. И он еще раз испытал то трогательное чувство, когда увидел сына после возвращения с учебы... Из задумчивости старика вывел голос над ухом подошедшего Усмана:

– Пора, отец! Солнце повернулось к закату.

Не дожидаясь ответа, кивнул рядом стоящему Темиргали. Тот вышел и через минуту вошел с джигитами. Тело Тулегена завернули в небольшой ковер и вынесли из юрты.

– Вы бы остались дома, отец! – мягко положив руку ему на плечо, сказал Усман, который подошел помочь встать.

Жунус, не глядя на сына, молча кивнул.

Процессия похорон, состоящая из мужчин аула, медленно потянулась к родовому кладбищу. Жунус остался один. Тревожные воспоминания мучили его первые минуты, когда унесли сына.

6

После гибели сына Жунус, переживший глубокую трагедию, постигшую его, в последние дни с какой-то особой любовью, внимательностью и трогательностью стал приглядываться и прислушиваться ко всему, что окружало его.

«Как удивительно ярко светит солнце сегодня!.. И березы как-то непривычно шумят, – радостно восклицал Жунус. – У человека есть три опоры в жизни: подруга или друг, дети и свобода – это то, что дает мать-природа. Все остальное приобретается суетливой жизнью. И где бы люди ни жили, всюду таится какая-нибудь трагическая история, о которой и не подозреваешь. Таится эта невидимая сила и всегда ударит по тебе, когда и не думаешь», – продолжал размышлять он.

Теперь буквально все трогало его сердце, но больше всего люди, которые окружали его. Пробежит ли мимо малолетка, оборванный пастушок, или седобородый аксакал, завидя хозяйина, приложит руки к груди, отдаст ему приветственный поклон, а он с неподдельной радостью ответит ему тем же.

Со шемящей тоской он теперь понимал, ценил и любил окружающий его мир, к которому все эти годы, с самой молодости не обремененный материальными заботами о существовании, был равнодушен.

«Как было бы мудро и справедливо, – с волнением думал Жунус, – если бы все люди на свете, узнав о моем горе, вместе со мной постигли бы красоту земли и сладостный вкус жизни».

Весь окружающий мир стал теперь для него значительным и полным глубокого смысла.

«Как прекрасно все устроено в мире, – продолжал думать он. – О добрый и богатый мир! Как много ты даешь нам!»

– Но и как дорого мы расплачиваемся с тобой за это... – мрачно, с печалью неожиданно для себя вслух вымолвил Жунус.

«Конечно, со временем пройдет боль, нет такой боли, чтоб не проходила, и с годами уйдет все в историю, оставив о себе память. Появятся новые поколения, и настанут другие времена. Все меняется, потому как мир не стоит на месте. Мой мальчик был прав, нельзя остановить развивающийся мир, к которому и нам пора уже давно примкнуть и в ногу идти, пользуясь всем тем, чего достигло человечество, и самим делать все, чтобы умножить эти достижения на общее благо людей», – так все размышлял он, и сам дивился своим мыслям, и даже с каким-то стыдом для себя обнаружил, как это он раньше не понимал таких простых, казалось бы, но жизненно важных вещей.

Его душа успокоилась, когда он, кажется, все уже обдумал, оценил, понял и решил на время покинуть эти места, чтобы ему лишний раз ничто не напоминало о случившейся трагедии.

«Сыновья сами уже справятся со всеми делами, – рассуждал Жунус. – Мне лишь остается уповать на милость и волю Всевышнего, моля его о том, чтобы горе обходило моих близких. А моя душа требует покоя».

На следующий день, как только солнце чуть отошло от горизонта, позавтракав раньше обычного, Жунус вышел из жилища. Легкий ветерок доносил запах полыни. Он слегка прикрыл глаза, и перед ним поплыли бесконечные просторы родной степи.

К юрте Жунуса подбежал нукер Аблай:

– Ваши джигиты готовы в путь, ага!

Жунус одобрительно кивнул. Те аульчаны, которым надо было отправляться с ним в путь, были уже собраны в дорогу, и поэтому все обошлось утром без излишней суеты и церемоний прощания. Несколько дней назад он не думал ни о какой дороге, не было никакой необходимости покидать родные места. Но гибель сына сильно сказалась на его настроении и взглядах

на происходящее вокруг, и он временно решил покинуть эти места, чтобы развеять по степи горечь утраты, червоточившую его душу. Ночь накануне прошла беспокойно, он практически не сомкнул глаз. Но раз решено, надо отправляться в путь...

Караван был собран налегке. Хозяина сопровождали с полдюжины джигитов-нукеров, столько же навьюченных поклажей верблюдов со своими погонщиками, и на краю аула к ним присоединилась пригнанная со степи небольшая отара овец с двумя уже немолодыми пастухами.

Ближе к полудню вся процессия отъезжающих стала вытягиваться в живую цепочку. Впереди всех на рыжей масти ахалкетинце, слегка покачиваясь грузным телом, в седле восседал Жунус. Озабоченное лицо было отражением его мыслей: «Правильно ли я поступил, решив покинуть родную вотчину?» За спиной остался аул, и сердце сжалось, и пробежал по всему телу холодок, отрезвив мысли. Жунус не оглядывался, чтобы не выдать своих переживаний к родному месту, которое дороже всего на свете. Скорее туда, на край света, на пастбища у подножья гор, к берегам больших озер. И уже без всяких переживаний, даже с какой-то деловитостью сам себе задал вопрос: «Что от того изменится, что я уехал? Луна как была, так и останется. – Посмотрел на светлое небо с еле видимыми днем ее очертаниями. – Сына не вернешь. Скота и так вдоволь, хоть и порядочно в последнее время чиновники обирают. – Дробное постукивание копыт лошадей ехавших сзади джигитов придавало монотонность мыслям в его рассуждениях. – Раз решено, так уж тому и быть, – уже утвердительно отрезал он. – Перемены нужны прежде всего в самом себе, а для этого надо отвлечься от суетливых дел и мрачных мыслей, вводящих тебя в хандру».

И, как бы сам себя убеждая в правоте этого, отпустив поводья, пришпорил коня, сорвавшегося в галоп.

Эпилог

Прошли двадцатые роковые, настали тридцатые трагические годы, и все они были насыщены тревожными событиями, будоражившими степь...

В летнее время во дворе усадьбы председателя колхоза Энбекши-Казах Усмана Калижанова, у входа в низкую беленую мазанку на клочке кошмы сидел древний старик. Неподвижное смуглое лицо, словно каменное изваяние, не подавало никаких признаков жизни. Лишь только узкие щелки черных глаз, изредка подергиваясь, были признаком того, что в нем теплилась жизнь. Мало уже осталось тех, почти никого, кто знал его как полновластного хозяина в степной вотчине.

А теперь он был хозяином только своих мыслей, и круг его забот свелся лишь к воспоминаниям. Аллах даровал ему долгую жизнь, и он, вспоминая пережитое, все искал, в чем ее смысл.

Несмотря на свою глубокую старость и время, которые беспощадно изменили его внешность, он был при трезвом уме и светлой памяти.

«Память! Это благодаря ей, солнцу и степному ветру я все еще живу и стою на ногах, – размышлял Жунус. – Человек – дитя природы, и, как у природы, есть у него свои жизненные периоды. Свои весна, лето, осень и зима, – продолжал размышлять старик. – Давно прошли мои весны, время моего детства и юности, так давно, что память еле выхватывает из потайных своих уголков скрывающиеся где-то там, внутри, те события, плывущие в сознании сизой дымкою, и от этого становится все печальней и трогательней на дряхлеющем сердце. – Ему пришло на память детство, поучающий и величественный вид отца, его авторитет среди аульчан. – О Всевышний! Зачем ты даешь память, ворошишь умершее прошлое?..»

Вспомнилось ему, как впервые его, одиннадцатилетнего мальчика, отец взял на какую-то важную встречу. Так он хотел, чтобы сын быстрее вырос и вникнул в дела, судьбоносные для их народа. Они скакали с отцом по степи в сопровождении джигитов-нукеров, которые на почтительном расстоянии двигались позади. К ним приближалась такая же группа всадников со своим хозяином. Отец поднял руку, и джигиты притстали, их кони перешли на шаг. То же самое сделали ехавшие навстречу, оставив своего хозяина одного. Когда поравнялись, отец с незнакомцем поприветствовали друг друга по мусульманскому обычаю. Незнакомец, ехавший рядом с отцом, заговорил о каких-то важных делах, и лицо отца сделалось задумчивым и строгим. Единственное, что запомнилось мальчику, – это несколько брошенных незнакомцем фраз, до сих пор оставшихся в его памяти: «Сенат отклонил нашу просьбу... Принято “Временное положение” об управлении нашими степями...»

Только позднее, с годами, когда он сам уже принимал важные решения, понял значение тогда сказанного.

Глаза старика, подернувшиеся несколько раз блеском, так и не проронили слезу скорби об ушедшей юности.

Пройдут весенние года в жизни этого человека, наступит долгожданное лето. Самая прекрасная пора для совершенствования, расцвета сил и жизненной энергии. Память продолжает воскрешать давно ушедшее прошлое. У старика дернулись уголки губ в намерении изобразить трогательную улыбку, но тут же лицо опять приняло лик изваяния.

Первая влюбленность в дочь пастуха... За что после признания отцу получил вместе с его яростными словами камчей по хребту. Воспоминания о том дне до сих пор вызывали по спине зуд.

После нескольких лет учебы у муллы и в медресе жизненный опыт уже пришлось набирать одновременно со взрослением, поскольку отец, обремененный заботами того тоже нелегкого для становления казахов времени, рано слег, так больше и не поднявшись. Много поучи-

тельного, интересного, трогательного и дорогого сердцу пережито за тот счастливый период жизни. Приобретение самостоятельности, чувства ответственности не только за себя, но и за судьбу большого рода. К тому же прибавилось много хлопотливого сугубо личного – обзаведение семьей, рождение детей, забота о самых близких ему людях.

Всякое было за этот период жизни молодого хозяина. Пришлось по неопытности часто искать совета и поддержки у родовой знати, которые были не всегда искренни и полезны. Но постепенно он сам стал отличать белое от черного и уже властно брал в свои руки, под контроль всю создавшуюся ситуацию для разрешения тех или иных дел. Принудил всех соглашаться и уважать его мнение, но никогда не давал повода окружающим усомниться в его правильности.

Неумолимо прошло время лета для него, за которым последовала осень. Это время зрелости, самостоятельности и деловитости. Этот период жизни Жунуса был связан не только с хорошими делами, но и с трагическими, полными драматизма событиями. Двадцатый век давал о себе знать. Рушились вековые догмы бытия, наступал на горло технический прогресс, скоротечно все менялось, и подвергалось сомнению даже то, что было определено вековыми устоями. Степь стала такой противоречивой в суждениях и взглядах на будущее существование казахского народа...

Трагически погиб сын Тулеген. Прошедшей ночью ему приснился сон, что сын живой: на крылатом коне Тулпаре, в мундире с золотыми погонами летел и пел песню про бескрайнюю степь, под звуки которой он проснулся... Сгинул куда-то сын Темиргали в годы Гражданской войны. Виной тому, наверное, послужила его излишняя вспыльчивость в то судьбоносное время, когда нужно было принять его таким как есть и смирить свое «я». Усман – старший, у которого приходится доживать свой век. Грамотен, всегда рассудителен, обладает порядочностью, а главное, чувством меры во всем, что было немаловажно в те роковые годы и теперь, в это полное трагизма время. Сумел заручиться поддержкой народа – уважаемый человек. Новые времена породили и новые нравы – видно, уже так устроен мир. Так сидящее «изваяние» думало и рассуждало, перебирая в памяти все то, что произошло за его долгую жизнь.

Если разум давал память, а память еще какие-то жизненные силы, поддерживаемые трепетным сердцем, то тело, обрета за многие годы жизни дряхлость и болезни, было уже бессильно перед естественными законами природы. Наступила зима-старость. Как и у природы, этот период жизни человека тоже имеет свои прелести. Стоя на вершине жизненного пути, есть что посмотреть с высоты, оценить прожитое своей житейской мудростью, с учетом богатого опыта познанного и приобретенного. И счастлив тот человек, кто шел по прямой на всем своем жизненном пути, но чаще всего людей беспощадно носили жизненные, а затем и политические ураганы и загоняли в безвыходное положение. Стойкие упорно искали выход и боролись, но, к сожалению, редко все кончалось в пользу порядочного человека.

В жизни Жунуса тоже были годы мира и благополучия, борьбы и поражений. К концу жизни ему досталось горе, унижение и тяготы.

Так рассуждал старик о смысле жизни, вороша те события, что выпали на его долгую жизнь...

Ветром донесло слабые звуки: «Курлы-курлы», он медленно поднял голову к небу.

«Журавли летят. Экий набрался клин. Так пролетали мои весны и осени. – Он грустно и неотрывно из-под ладони следил за клином журавлей, пока те не исчезли в его старческих глазах. – Может быть, это последняя моя осень и в один из ее дней по воле Аллаха в том журавлином строю и я найду место, чтобы улететь-уйти туда, за горизонт жизни, оставив в душах людей о себе память».

Его рассуждения, полные печали, оказались пророческими – это была его последняя осень. И кто знает, нашел ли он смысл жизни в своих воспоминаниях о давно ушедших днях, смог ли успокоить свою душу... Мы уже об этом не узнаем, ибо в жизненном цикле человека не дается две весны.

P. S.

Коренные изменения в культуре и экономике Казахстана произошли после Октябрьской революции. Сформировалась Казахская Автономная Республика, затем Союзная Республика Казахстан. Казахский народ сам выбрал свой дальнейший путь развития и при помощи и поддержке России превратился в интеллектуально развитый народ. Казахстан стал страной с передовой индустрией и высокоразвитым сельским хозяйством. Благодаря поддержке России изменился быт и культура казахов.

Кочевники перешли к оседлости, ликвидирована неграмотность, выросли национальные кадры рабочего класса и интеллигенции. Все, о чем мечтала и что пыталась сделать для своего народа передовая молодая интеллигенция казахов на рубеже XIX–XX веков, воплотилось в жизнь в наши дни. В настоящее время Россию и Казахстан связывают самые тесные узы дружбы народов двух стран. Россия и Казахстан неразделимы в своем экономическом пространстве, и все делается в этом плане государствами ради единственной цели – процветания своих народов.

В современном историческом уже прошлом эти две страны стали на путь демократического развития и в тесном союзе идут к новым достижениям в экономическом развитии.

Большая заслуга в этом принадлежит первому президенту России Б. Н. Ельцину и его последователю В. В. Путину, президенту Казахстана Н. А. Назарбаеву и его последователю К. К. Токаеву.

Исторически так сложилось, что этим двум странам идти вместе в будущее, тесно взаимодействуя во всех областях жизни на благо и процветание своих народов.

Рассказы

Аспирант Кондрашов

Осень. Середина сентября, а по погоде вроде еще лето, тепло даже в тенечках. В конце 60-х годов аспирант истфака Кондрашов, выбравший тему и писавший диссертацию о морском флоте периода 1905–1907 гг. со всеми его проявлениями в исторической судьбе России, прибыл в село Новосанжаровка, ближе к вечеру, когда солнце собралось уходить на покой и, щадя все живое от припека, перед закатом холодно повисло над горизонтом красным шаром.

Скудная информация о судьбе моряков-бунтовщиков, которой обладал он, завела его поначалу в деревню Жуковка. По архивным выдержкам он обнаружил прелюбопытнейшую вещь. В свое время некий боцман с броненосца «Потемкин», по известной причине уволенный вчистую в отставку, поселился сначала на родине, в Херсонщине, а затем переселился в Сибирь, в деревню Жуковку, и Кондрашов имел намерение и питал надежду заполучить от ближайших его родственников хоть какую-то информацию о человеке, причастном к событиям, связанным с кораблем, столь нагремевшим своей неординарностью в исторической судьбе российского флота. На месте ему жители деревни объяснили, что «есть такая девяностолетняя бабуся, жена моряка, но она сейчас проживает с внучкой по фамилии Антонова в соседнем селе Новосанжаровка».

Он изрядно подустал: не столько физически, сколько был не удовлетворен и обескуражен мрачными мыслями, занимавшими его голову: «А вдруг и здесь не получу ценной информации?..» Так, глубоко задумавшись над своими изысканиями, вяло плелся по дороге с изрядно засохшими рытвинами грязи по ее обочинам. Навстречу бежит с криком небольшой гурт ребятишек.

– Ребята! – окликнул он сорванцов. – Не подскажете, где здесь проживают Антоновы?

– Вон там, напротив озера, там, в глубине, за тем домом, что со ставнями, стоит землянка, – ответил за всех самый рослый из них, показав рукой на ближайшую справа хату, окна которой были обрамлены синими наличниками.

За указанной ребятами усадьбой он, повернув направо, попадает на пустырь, где вдали виднеется маленькая землянка. Непрошенный гость трогательно осматривает все вокруг. Все в большом запустении. Небольшая покосившаяся хата с крохотными окошками, казалось, специально спряталась вглубь от улицы, чтобы скрыть от посторонних глаз свой невзрачный вид. Двор изрядно зарос бурьяном и лопухом. Из идущей рядом траншеи-канавы торчат растущие верхушки лозин с мелкой, уже желтеющей листвой. Низенькую хатку с улицы прикрывают два разросшихся сиреневых куста. У землянки крыльцо обросло грязью. Во дворе нет никого, только гребутся куры.

Входная дверь приоткрыта, через нее слышно внутри жужжанье мух, скопившихся на крохотном, затянутом паутиной окошке в сенях.

– Есть кто дома? – окликнул Кондрашов, тронув заскрипевшую дверь.

Никто не отзывается, тихо. Вдруг внутри что-то закопошилось, послышалось шуршанье шагов, и из-за скрипучей двери показалась старуха. Высокая, дородная, она ловко вразвалку, пригнувшись, переступила порог и, как гусыня, ступая с ноги на ногу, вышла на крыльцо. Увидав незнакомого человека, неловко замялась, поправляя на голове и без того уложенный давно выцветший платок.

– Здравствуйте, бабушка! Заросло все тут, еле вас отыскал.

– Нынешний год дал Господь дождей, все так и преть, не успеваем вырывать, – старинным говором, но приветливо отозвалась бабушка.

Я такой-то, назвал себя Кондрашов, и по такому-то делу. Бабушка замялась, боясь сказать что-то не попад, но затем пригласила в хату. Несмотря на ветхость и убогость снаружи, внутри хаты все прибрано и сияет чистотой, из неудобств только снующие по углам мухи. Бабушка одета в цветное длинное ситцевое платье, поверх которого белый передник, а на ногах тапочки кустарного пошива.

Обычно старики в таких случаях жалются на свою немощность, а эта, наоборот, пытается показать перед гостем, что еще «не выжила из ума».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.